

КОСТЁР

10

ОКТАБРЬ 1980

НА СТРОЙКАХ УРАЛА, СИБИРИ,
НА ПОЛЯХ, В ЦЕХАХ —
КОМСОМОЛ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ.

КОСТЁР

10

ОКТАБРЬ

1980

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

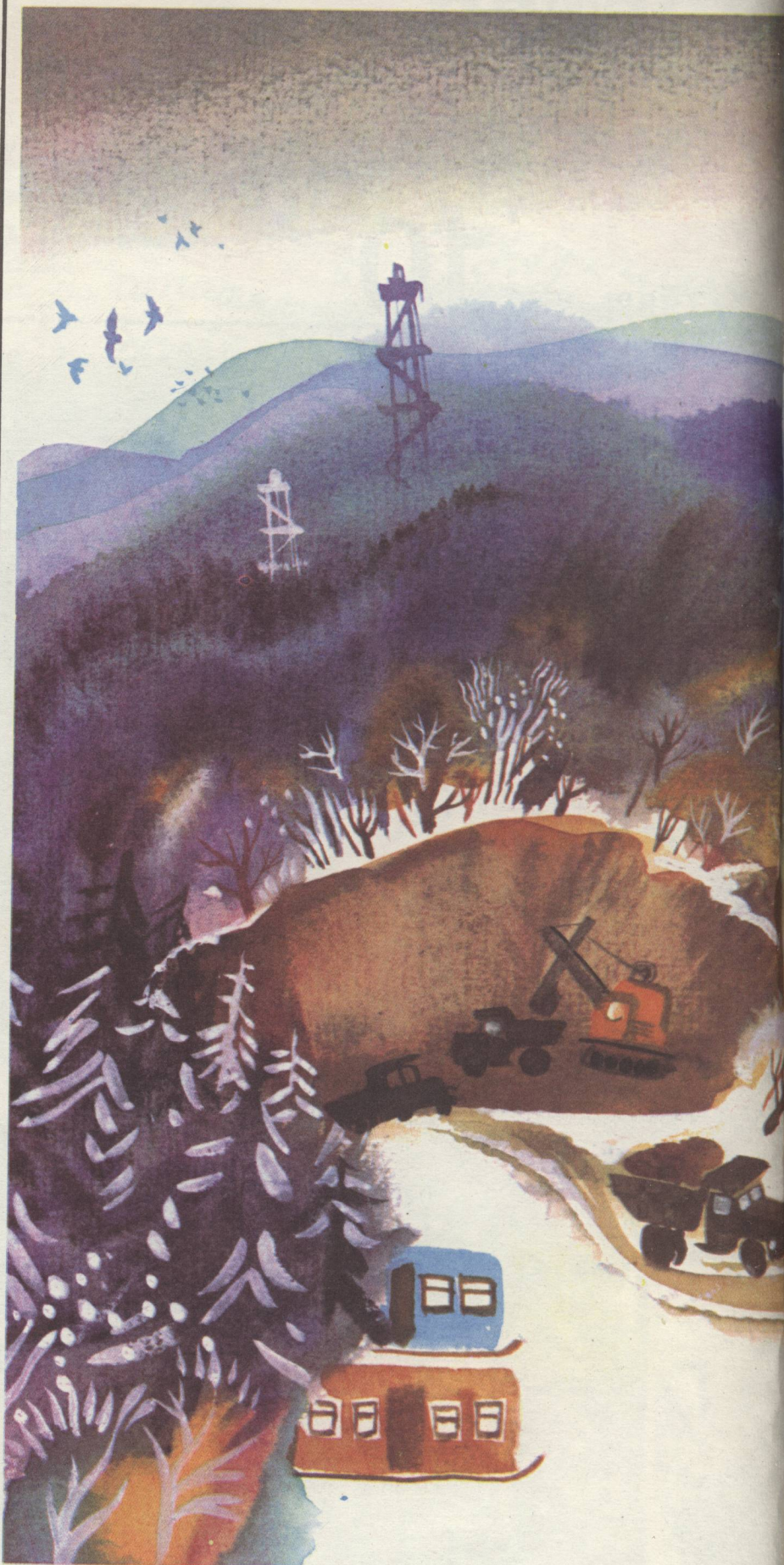
Издается с 1936 года

© «Костёр», 1980 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Закон законов**
очерк Л. Успенского 6
- С комсомольским приветом!**
документальный рассказ
В. Воскобойникова 9
- Пионерский самолет**
очерк О. Орлова 17
- Почему у тигра на спине черные
полосы**
вьетнамская сказка 20
- Сердцем и именем**
поиск юнкоров
и следопытов «Костра» 22
- Барабан** 24
- Грустная девчонья мудрость**
глава из повести
С. Иванова 26
- Мы строим БАМ**
фотоочерк 35
- Морская газета** 38
- Пейзажист Саврасов**
к 100-летию со дня
рождения художника
очерк Д. Норина 40
- Веселый звонок** 44
- Спортклуб «Кузнечик»** 46
- Арчбек** 48

НА ОБЛОЖКЕ
РИСУНОК В. ЛЕБЕДЕВА

ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ

МАГНИТНЫЙ КАМЕНЬ

Днем я пересел в теплый «Икарус», чтобы поехать в дальний край Северной Карелии — поселок Костомукшу. В переводе с карельского Костомукша означает медвежий угол. И верно, автобус мчался вдоль мрачных ельников, за-снеженных болот и угрюмых скал.

В поселок приехали посреди ночи. Я глянул в окошко и удивился. Самый настоящий город! На сопках между елей высились многоэтажные дома. Среди них плавными, темными петлями лежали расчищенные асфальтированные дороги... Вот так медвежий угол!

КАРТА КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ

Судьбу Костомукши определили геологи. Утром я поехал знакомиться с ними в генеральную дирекцию строящегося горно-обогатительного комбината, километрах в пяти от поселка.

Навстречу нам мчались автобусы с рабочими-финнами. Поселок находился рядом с Финляндией, строительство комбината ведется совместно. Эта стройка — международная.

Главный геолог комбината Виктор Михайлович Заруба в своем кабинете расстелил

на столе огромную карту и показал:

— Здесь хранится клад!

Никогда прежде мне не доводилось видеть карту с кладом, и я посмотрел с интересом. Но понять ничего не мог, потому что карта была закрашена красными, коричневыми, желтыми полосами — на ней нарисовано то, что хранится под землей. Такую карту могут читать только геологи.

— Какой сейчас век? — спросил Заруба.

— Электрический, нейлоновый, атомный, космический... — перечислял я.

— А мы ведь продолжаем жить в железном веке, — сказал геолог, — или, точнее, в стальном.

И ведь верно: из железа делают станки, тракторы, рельсы, паровозы...

Металла требуется все больше и больше, а известные сегодня крупные месторождения железной руды на земном шаре постепенно исчерпываются. Открыть новое — огромный труд и редкая удача.

После окончания войны на помощь геологам пришла авиация.

Долго летали геологи над Карелией. С севера на юг, с юга на север, терпеливо смотрели на свои приборы... И вот однажды стрелки на приборах заволновались, запрыгали: здесь сильное магнитное поле! Здесь залегает железная руда.

На карте крохотная точка — поселок Костомукша.

Так было открыто железорудное месторождение, крупнейшее на Северо-Западе нашей страны.

ДОРОГИ, ДОРОГИ, ДОРОГИ...

По рубчатой колее, оставленной гусеницей вездехода, я шел к геологоразведчикам по болоту, тревожно ощущая под ногами зыбкий его покров. Первых рабочих доставили сюда на вертолетах, и одной из главных забот стали дороги. Какого труда стоило проложить их здесь, где далеко не всюду может пройти даже вездеход!

Один из первых бульдозеристов, Дмитрий Антипов, приехал в группе комсомольцев, жил в палатке. Из необжитой еще Костомукши они насыпали дорогу к совхозу «Ухтинский». По ней собирались возить молоко, картошку, морковь, мясо... Дорога шла через зыбкие болота, летом опасные неопытному человеку. Самосвалы подвозили песок, а Дмитрий впереди всех ножом бульдозера осторожно толкал этот песок вперед.

Уже была пройдена гнилая низина. Дмитрий по всем правилам выровнял и утрамбовал этот участок дороги тяжелыми

гусеницами. Еще раз для проверки проехал по нему. Затем по участку прошли груженные самосвалы, высыпали песок. Дмитрий вылез из кабины, как делал всегда, чтобы своими ногами пощупать готовую дорогу. Он шел посередине, по следу своего бульдозера, на виду у шоферов. И вдруг болото отомстило смельчаку. Песок под его ногами ушел вниз, и человек исчез. Посреди дороги образовалась черная пузырящаяся яма...

Мне показали эту дорогу. Ездят по ней летом и зимой. Она была быстро достроена. Потому что другой человек, такой же смелый и сильный, как Дмитрий, сел за рычаги бульдозера и повел его.

А в поселке до сих пор помнят Антипова, не забывают его жену и дочь. И дочка знает: есть в лесу дорога. Ее называют именем отца.

УПРЯМАЯ СКАЛА

Колея вездехода привела меня к буровой геологоразведчиков — досчатому домику с мачтой посередине. Приземистый вездеход тросом зацепил ее за сани из толстых труб, взревел, разогнался и дернул так, что сам поднялся на дыбы. Со скрипом буровая вылезла на накат из толстых бревен.

— Пять лет в здешних ме-

стах работаю, — сердито говорит геологоразведчик Сорокин, — и вот впервые встретил скалу, которая мне не подчинилась.

— Где же скала?

— Там, глубоко под торфом, каменная толща — скала. Из нее надо взять пробу — высверлить столбик, керн. Из него изготовить тонкую, почти прозрачную пластинку. Изучить ее под микроскопом и отправить на анализ, чтобы определить — есть ли в этом месте руда.

Сорокин был зол на скалу, зол на себя, все делал молча и, очевидно, быстрее, чем обычно. Его тоже молчаливый помощник едва успевал за ним. К польне соседнего ручья они протянули шланг, накачали в объемистый бак воды. Завели передвижную электростанцию, вздрогнул и ожил бурильный станок.

— В двадцати метрах отсюда на всю глубину пробурил скважину и ни одного керна не достал! — крикнул Сорокин сквозь шум станка. — Скала дробится, рассыпается, а всю мелочь вымывает водой. Комбинат ждет сведений, а мы...

Стальная труба с наверху на конец бурильной коронкой пошла вниз. Беззвучно подался торф. Потом труба взвизгнула и задрожала. Вместе с ней задрожал станок — коронка дошла до скалы.

Бурил Сорокин долго, сердито, а я наблюдал, как из скважины со всхлипом выплескивалась на снег вода, которую по трубе накачивал насос. Там, внизу, глубоко под нами, вода охлаждала алмазную коронку, не давала ей перегреться и сгореть. Потом геологи вынули трубы и последнюю бережно положили на подставку. Заглянули в нее по очереди. Труба опять оказалась пустой. В сердцах Сорокин хлопнул по ней рукавицей. Труба гулко гукнула, будто хохотнула.

Сорокин в раздумье перебирал лежащие на столе у окна алмазные коронки. Тяжелые, из красноватого сплава с выступающими точечками — алмазами. Он словно решался на что-то.

— Жалко эти, — сказал наконец. Присел и стал переключать сваленные на полу коронки с острыми зубьями из стали твердых сплавов. — Какой-то из них придется пожертвовать.

Одну протянул помощнику. Тот длинным ключом накрепко привинтил ее к трубе. Снова заработал станок.

И тут я увидел, что Сорокин отключил воду.

— Что он делает? — изумленно спросил я у помощника.

— В конце трубы пытается устроить маленькую плавильную печь, чтобы расплавился

камень, — ответил помощник. — Это тонкое дело! Чуть пережмешь — коронка раскалится и расколется, ослабишь — станет попусту пищать. Тут нужна точная рука! Другой всю жизнь бурит, а камень расплавить не сможет.

Труба затряслась и завизжала сухо, невыносимо! Стало ясно, что буровая коронка гибнет. Сорокин чуть ослабил нажим, как бы дал ей отдохнуть, остыть, затем снова нажал и раздался визг сильнее прежнего.

Сорокин стоял с бледным, отрешенным лицом и не отрывал глаз от приборов. Руки его двигали рычаги то плавно, почти незаметно, то резко, быстро. Помощник ловил каждое движение и тотчас бросался выполнять приказы.

Стоять рядом с ними было тяжело, и я вышел из буровой. Увидев меня, большая рыжая собака убежала и спряталась в ельник. Это была их собака, но, постоянно живя на буровой, она часто убегала в лес и одичала, стала бояться людей.

Прошло много времени. Наконец, истощный визг трубы прекратился. Я вбежал в буровую. Сорокин торопливо вынул трубу из скважины. Последнюю снова положили на подставку. Что стало с коронкой! Зубья вывернуты, она сама погнута и видно, что не

раз была перегрета. Сорокин вместе с помощником навалился на длинный конец ключа. Коронка пискнула и подалась. Сорокин отвинтил ее и швырнул в снег.

Молоточком остороженько постучал по трубе. Из трубы медленно-медленно стал выходить камень. Он был из грязной, спекшейся массы. Увидав этот невзрачный камень, я не сумел скрыть разочарования. А Сорокин осторожно взвесил его на ладони, другой рукой взял с полки изогнутый кусочек металла. Сблизил их — и камень повис, будто приклеился к металлу.

— Настоящий магнит! — поразился я. — Сколько же в этом камне железа?

— Много, — улыбнулся Сорокин.

Наконец-то он победил скалу. Мы по очереди подержали на ладони каменный столбик, еще теплый, и порадовались его тяжести.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАМЕНЬ

Как же добывают руду на Костомукшском месторождении?

Открытым способом. Карьер — это вырытая в земле чаша шириной примерно в километр и длиной более трех. Оранжевые экскаваторы скрежетами огромными ковшами

о землю, со скрипом разворачивались, и тяжело грохотал камень по железным кузовам сорокатонных самосвалов. Вдавляя камни в мерзлую землю огромными колесами, БелАЗы вывозили грунт в отвалы. Поднимали кузова, так что становились видны ребристые днища, и с глухой, почти металлической тяжестью падали массивные камни, сыпалась земля.

Экскаваторы с длинными, как у журавлей, шеями, уже скрылись в ковше.

Постепенно обнажалась скалистая порода пепельного, темного цвета. Это железистый кварцит. Он тверд, и его не взять никаким экскаватором.

Тут в дело вступил главный инженер карьера Сергей Витальевич Беломоин, молодой, напористый человек, в прошлом — взрывник.

По его команде опустел карьер, ушли в укрытия экскаваторы и бурильные машины. Грузовики с флажками и красными полосами на бортах, при виде которых встречные автомашины тормозили и жались к обочине, лихо съехали в карьер к оголившейся руде. Сосредоточенные взрывники стали хватать из кузовов бумажные ушастые мешки, подносить к скважинам широкой с шапку и глубоким как колодец. Ударом ножа вспарывали мешки и как горох высыпали взрывчатку в скважины. На двойном шнуре, для надежности, опускали похожий на мыло детонирующий тротил. Шнуры связывали тугими морскими узлами. От мокрого снега руки у взрывников мерзли и краснели. И хотя у каждого из кармана торчали рукавицы, никто не надевал их.

Стемнело. На мачте зажглась мощная лампа и осветила площадку холодным, неживым светом. Машины увезли лишних людей. Когда все было готово, электрик залез на мачту, потушил дорогую лампу и стал ждать, пока она остынет, чтобы снять.

Тут и завыла сирена! В жизни каждого человека бывает

момент, когда он спрашивает себя: «А уж не трусишь ли ты?» И я задал себе его, когда от пронзительного воя застыл огромный карьер, вздрогнул и насторожился окружавший его ночной лес.

Сирена предупреждала — скоро взрыв!

Когда она замолчала, взрывники, поджидая электрика, стали рассказывать истории. Одному «хитрецу» стало лень убегать из карьера, и он начал прятаться в ковше экскаватора. Забежит туда, стоит и посмеивается, глядя как другие улепетывают во все лопатки. Этот ковш ведь ничем не прошибешь. Но однажды камень попал в экскаватор, отлетел от него и — прямиком внутрь ковша! Напугал!

По тому, как негромки голоса, как поглядывали на подготовленную ко взрыву скалу, словно желая еще раз убедиться, что там все в порядке, не видно еще опасного огонька, чувствовалось, что эти страшные с виду люди напряжены.

— В машину! — крикнул Сергей Витальевич.

Мы быстро поехали.

В темноте осталось два человека. У каждого был зажат в руке коробок со спичками.

Машина остановилась. Мы стали прислушиваться.

— Бегут! — шепнул кто-то.

Два запыхавшихся человека подбежали к машине. Их мигом подхватили и машина понеслась. Наконец, затормозила. Мы повыпрыгивали и заторопились дальше, к темной громаде бульдозера. Приказано было спрятаться за него. На ходу я оглянулся и увидел сзади, метрах в двух, огонек и небольшие искорки от него. «Померещилось», — решил. Оглянулся снова и не поверил своим глазам: опять горит! Мало того, огонек не отставал от нас, полз следом по земле и искрил. Я потянул носом: запах резины, асфальта и жженой тряпки. Горит бикфордов шнур, которым подрывают взрывчатку! Мне приходилось иметь с ним дело, и я точно

знал, как догорит — будет взрыв!

Что делать?

Окликнул соседа: «Смотри!»

Тот оглянулся, рванул руку вверх... Огонек бросился на нас и закачался у самых ног!

— Это контрольный шнур. Такой же длины, как и там, в карьере, — пояснил он и бросил шнур в канаву.

Взрыв предстоял сложный. В шнур, соединявший между собой скважины, врезаны замедлители. Они на микросекунду замедляют взрыв. Взрывчатка в крайней скважине подымет руду вверх. В это время соседний взрыв ударит сбоку и раздробит руду на куски. Так и покатаются взрывы из скважины в скважину, поднимая и дробя руду.

Через минуту шнур догорел. Вдали ударило вверх тугим красным огнем и расколосось небо от грохота. Бульдозер содрогнулся и лязгнул всеми суставами.

Все смотрели наверх, в темноту, будто ждали чего-то.

— Днем-то его хорошо видно, — сказал мой сосед.

— Плюх-ух! — гулко, тяжело раздалось в болоте. Я понял, что это упал отлетевший дальше других камень, который и называют случайным. Мы вскочили в машину и помчались смотреть.

В карьере, около места взрыва, машина медленно развернулась и высветила фармами лунный пейзаж. Скала была раздроблена на куски, но они не разлетелись в разные стороны, а оказались сложены в аккуратную, ровную гряду. Так точно был рассчитан взрыв.

Сергей Витальевич, наверное, умел видеть в темноте, потому что шел не спотыкаясь.

— Вот она, первая руда Костомукши! — сказал он дрогнувшим голосом.

В месте взрыва земля не могла еще успокоиться, глухо ворчала и потрескивала. Из-под камней вырывался и шумно горел голубым пламенем газ от взрывчатки.

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунки В. Топкова

Раим ФАРХАДИ

О СОБАКЕ

Собаку не надо дрессировать,
с нею надо дружить.
Будет собака все понимать,
Верно служить,
Дом сторожить.
Пройдет сквозь огонь,
если друг в беде.
Дорогу к нему найдет.
Вплавь по реке
В ледяной воде
Навстречу вам поплывет.
Ей шалости всякие надо прощать,
Не слишком громко учить.
Собаку не надо дрессировать,
С нею надо дружить.

ДОЖДИК- ХУДОЖНИК

Моросил холодный дождик...
Подошел я тут к окну:
— Дождик, дождик,
Ты — художник,
Нарисуй скорей весну!
Зеленые листья,
Ручей голубой
И солнце лучистое
Над головой!
Дождь холодный улыбнулся
И теплее сразу стал.
Взял он краски. Размахнулся
И весну нарисовал!
Приоткрыл легонько дверь я,
А потом — к ручью бегом.
Пели птицы на деревьях,
Стало весело кругом!
Поднималась травка дружно
Там, где снег белел вчера...
Шумно прыгали по лужам
Дети нашего двора.
— Дождик, дождик,
Где ты, дождик?
А его и след простыл...
Замечательный художник,
Он ребятам подарил:
Зеленые листья,
Ручей голубой
И солнце лучистое
Над головой!

Рисунок С. Ведерниковой

ЗАКОН ЗАКОНОВ

Лев УСПЕНСКИЙ

Все, что делается в нашей стране, делается народом и для народа. Народом все творится и в других странах. Но вот для народа ли оно создается?

Возьмите любую капиталистическую страну и любое сооружение, завод, которые там созданы хотя бы за последние пять лет. Мы всегда можем указать: этот небоскреб воздвигнут компанией, во главе которой стоит Рокфеллер. Это судно спущено на воду наследниками покойного Онассиса. Этот автомобильный завод будет принадлежать компании Форд, то есть мистеру Форду, архимиллиардеру, а та железная дорога сооружается потому и для того, что этого пожелал господин Пакье, миллионер рангом пониже, и строится она, чтобы мосье Пакье стал миллионером рангом повыше...

Переведите глаза сюда, на огромную территорию Европы и Азии, поперек всей карты начертана гордая надпись: «СССР». Вот на могучей суровой реке за несколько лет вырос автозавод-гигант, его имя КамАЗ. Кому он принадлежит

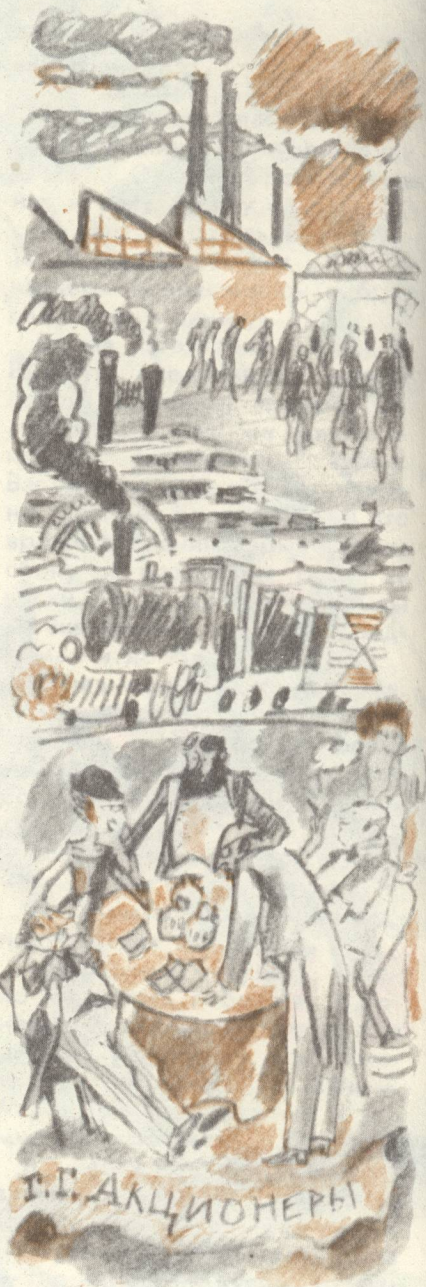
в процессе стройки и кому будет принадлежать, когда последний строитель покинет место, где завод построен?

Народу!

Сколько бы мы ни искали во всех — хоть капиталистических — энциклопедиях мира имени и фамилии его хозяина, вы не найдете в них указания на какое бы то ни было частное лицо.

Вот по дремучей тайге, по вечно мерзлой земле ее тянется сотня километров за другой сотней — грандиозная железная дорога, соединяющая гигантское озеро с могучей восточной рекой. Имя ее БАМ. Кто задумал ее строительство? Ее задумал руководимый Коммунистической партией народ. Ее строит народ, молодые его посланцы, комсомольцы. И, будучи закончена, она будет приносить прибыль тоже ему, народу. Им, сынам его!

И мне и вам это кажется единственно возможным: а как же иначе? Да, но мне это кажется несколько иначе, нежели вам. Я прожил слишком много лет на свете. Я помню время, когда в России такая дорога могла приносить прибыль господину С. Полякову, золотому мешку, специализировавшемуся именно на постройках железных дорог, или Акционерному обществу Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. А что такое акционерное общество как не собрание точно таких же, может быть, калибром поменьше каждый в отдельности,

НЕДОПИСАННАЯ КНИГА

Мне было девять лет. У меня болело ухо. Я места себе не находил от боли.

И вот бабушка принесла мне из библиотеки книгу. «Лев Успенский. «Слово о словах», — прочитал я на обложке и стал перелистывать страницы. Опомился поздно вечером, когда пришла пора спать, и книгу у меня, с большим трудом, отобрали. Теперь, много лет спустя, я думаю: каким же мудрым, умным и добрым должен был быть писатель, чтобы девятилетний мальчишка увлекся чтением и позабыл про боль! К тому же книжка была не про шпионов, не про индейцев, а про науку! В ней рассказывалось о словах. О самых

обыкновенных словах, с помощью которых мы разговариваем, пишем, читаем... И не обращаем на них никакого внимания: ведь человеческая речь привычна для нас, как воздух и как свет.

Лев Васильевич прожил большую и удивительную жизнь. Он был ровесником века — родился в 1900 году. Семнадцатилетним молодым человеком встретил революцию. Он помнил и Старый Петербург и Красный Питер, НЭП и первые пятилетки, выступления Маяковского, Блока, Есенина. Был участником обороны Ленинграда, стал современником полета человека в космос. А умел Лев Васильевич так ярко, живо писать про все это оттого, что никогда не был холодным наблюдателем, человеком со стороны, был всегда в самой схватке, в гуще событий.

денежных мешков? Это они сгоняли в нужное место полуголодных строителей — мужиков. Это ради них пролегла по лесам и полям, как у Некрасова, «Прямо дороженька: насыпи узкие. Столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то все косточки русские...»

Вы думаете, давно это было? Да нет, на моей памяти, лет 70 назад. Косточки тлели в земле, а богатеи, их дети и внуки ежедневно подсчитывали барыши-дивиденды на «собраниях гг. акционеров».

И то, что теперь создано нами и создается, о чем я сейчас коротко рассказываю, мнится сказкой, но все это наполняет статью 2 нашей Конституции живым, горячим, пульсирующим, счастливым и мудрым содержанием: «Вся власть в СССР принадлежит народу».

Рабочий одного минского завода совершенно справедливо написал в «Правде»: «Права советского человека. Мы редко размышляем над ними. Нет особой необходимости. Ведь не думают люди о воздухе, которым дышат».

Большинство моих читателей принадлежит к числу людей, которым никогда не приходилось бывать в подобном «безвоздушном» пространстве. Только мы, ветераны жизни и труда, помним дореволюционное время, помним, что означает это злое слово. Я вижу себя гимназистом в фуражке с перекрещенными веточками и буквами «Г. М.» — гимназия Мая. Я с одноклассни-

ками иду по берегу весной на стрелку Елагина острова. А нам навстречу сторож метлой гонит оттуда двух подростков в форме городских училищ. Нам, лицеистам, туда можно попасть, а им нельзя: у них нет права побывать в этом месте «аристократических» гуляний, куда сейчас приходит всякий желающий.

Я помню, как в саду перед Адмиралтейством две усталые пожилые крестьянки присели на скамейку отдохнуть. Дама, прямо и строго сидевшая на другом конце скамьи, движением пальца подозвала городского, проходившего по песчаной дорожке. Она не сказала ему ни слова. Она лишь повела глазами в сторону тех двух (одна из них была с грудным ребенком на руках), и этого было достаточно: «Пшли вон, бабье деревенское! — рывкнул «блюстителю порядка». — Ишь, где расселись!». И две немолодые женщины в смертном страхе полубегом скрылись из глаз художавой холодноглазой дамы только потому, что она была «дама», а они «бабы»: она «обладала правами состояния», а они нет...

Вот почему, когда я слышу теперь, что за рубежом обвиняют Советский Союз как страну, где человек лишен прав, я думаю: «Э, голубчики, нет... Меня вы не надуете. Я помню время с начала века вплоть до исторического 1917 года, когда скончалась Российская империя. Я поездил в последнее время по вашим странам. У вас ничего не изменилось: ваших

безработных, ваших негрятенок, ваших полунищих стариков так же выгонит с места, отведенного для чистой публики, полисмен, как тот городской в 1913 году выгнал из сквера двух русских баб.

А у нас другим стало все. Величественные строки новой Конституции — ярчайшее свидетельство наших достижений. Наших побед, нашего счастья!

Еще я узнал, что Лев Васильевич мечтал написать книгу очерков о Конституции. Он хотел рассказать о законах нашей жизни и сравнить ее с той, старой, дореволюционной, которую прекрасно помнил.

Можно только предполагать, какой была бы эта книга. Лев Васильевич успел написать только главу, часть которой вы прочитали.

Я переживал его смерть как утрату близкого человека, как большое личное горе... И вдруг издательство «Детская литература» предложило мне написать ту самую книгу, о которой мечтал Успенский. Признаюсь, прежде чем дать согласие, я несколько ночей не спал!

Заново, внимательно, как учебник, я перечитал все произведения Льва Васильевича, а потом стал

внимательно, строчка за строчкой, изучать нашу новую Конституцию, принятую 7 октября 1977 года. И со мной произошло чудо. За четкими, написанными суховатым юридическим языком строчками я увидел пламя баррикад, услышал грохот пушек, звон кандалов ссыльных декабристов, песни бурлаков...

Я понял и почувствовал простую истину: наши законы не придуманы, они открыты, выстраданы и добыты в бою, в труде. Это великое наследство, доставшееся нам не только от великих революционеров и философов, но и от миллионов безымянных тружеников всех веков, которые мечтали о справедливости, бились за то, чтобы на нашей планете торжествовали мир и добро...

Борис АЛМАЗОВ

ПЕРМСКАЯ ЗЕМЛЯ

У деревни Хохловки, что под самой Пермью, на берегу обрывистого каменного мыса, среди зеленых елок и белых берез стучат топоры. Они стучат тихо, редко, бережно.

По крутой тропинке от берега, от воды, выйди на открытую ветру поляну. Неожиданно встанут перед тобой древняя колокольня, ветряная мельница, старинный крестьянский дом. За ними — груды белых бревен, темные от времени доски, штабель пронумерованных плах. А вот и те, кто стучал, — целая артель плотников. Осторожно тюкают стальные лезвия, мягкая щепка ложится на землю — поднимается ввысь солеварная башня.

Это работают реставраторы. Сюда, на берег Камы, со всей области свозят в музей под открытым небом деревянные церковки, избы и амбары, сторожевые вышки.

Прекрасное вчера пермской земли...

А обернешься, снова перед тобой бетон и асфальт — плотина и дорога, электростанция и шоссе, на горизонте лес тонких заводских труб, дымки огромного города.

Бежит, бежит по стеклянной воде белый тупоносый «Метеор», стремится на север, а навстречу ему такой же тупоносый, только черный, осевший по палубу в воду буксир. Этот тащит золотую сигару — желто-светлый, оплесканный волнами плот.

Вечерами замирает на улицах Перми шум: уходят на отдых троллейбусы, умолкают трамваи, реже шуршат легковушки. В последних троллейбусах, автобусах едут навстречу друг другу две смены — дневная и ночная. Едут машиностроители, нефтяники, бетонщики... Светится над Ка-

мой огромный, в целую версту, мост.

Издавна Кама и Волга связывали эти края с богатой пушным зверем Сибирью, рудноносным Уралом, с мудрой Москвой на западе, со сказочно-дикивинными прикаспийскими странами на юге.

Пермь Великая называли эту землю летописцы. Коми, коми-пермяки, татары, башкиры, удмурты, русские заселили, распахали, застроили ее.

До сих пор стоят на берегах маленькой речки Усолки белокаменные соборы и купеческие дома Соликамска, толстостенные с подземными ходами в лес, словно их жителям и до сих пор нужда отражать буйные набеги кочевников, спастись от пожаров и восстаний. А в пойме реки и сейчас можно видеть полусгнившие колоды — остатки расслоподъемных, подземных труб. Вровень с серебром ценилась белая соль, которую варил город!

Промысла этого давно нет. На глубине нескольких сот метров грохочут в шахтах под Соликамском и Березниках комбайны. Скрипит сталь о красные и голубые калийные пласты. Вереницами вагонеток уходит из забоя, течет транспортерами, поднимается наверх сырьё Большой химии для хлебородных нив всей нашей страны.

А еще звенят над прикамскими лесами ребячья голова. По берегам Камского моря — сотни лагерей. И пусть прохладно здесь лето, пусть сверх меры льют порой дожди, — поют в лесах пионерские горны, выстраиваются по утрам линейки, вечерами в клубах слушают ребята рассказы бывалых людей о родном крае. О большой и доброй пермской земле.

С. САХАРНОВ, Л. КУЗЬМИН

С КОМСОМОЛЬСКИМ ПРИВЕТОМ!

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Рисунки В. Лебедева

Иногда поезд разгонялся. Впереди гудел паровоз, вагон раскачивало, встряхивало, и Николай, сосед Гриши Ефремова по нарам, смеялся:

— Ой, колеса потеряем!

Потом снова ползли плавно, медленно, почти останавливаясь. И в приоткрытые двери были видны мокрые осенние леса, сопки да редкие деревушки.

А навстречу в таких же вагонах ехали молодые красноармейцы, на платформах, крытых брезентом, стояли орудия, танки.

— Везет же людям, — вздыхал Николай, — на фронт едут.

«Еще как везет! — думал Гриша. — Но ведь и мы тоже, — поправлял он себя, — будем словно солдаты. Мастер говорил, нам дадут особое фронтовое задание».

Что за такое особое задание — Гриша не знал. А знал он только, что они едут в старинный город Пермь к широкой и работающей реке Каме.

* * *

— Мой брат тоже где-то воюет, — говорил Гришин сосед Николай, — и отец — с первой недели на фронте и без единой царапины. Пожилые, они на войне живучие.

У Гриши тоже прежде была семья, но что с ней теперь стало, он не знал.

Три года назад жил Гриша Ефремов в Ленинграде на Невском проспекте около кинотеатра «Колизей». У него были отец, мать, старший брат, собака и кошка. По вечерам они собирались вместе. Отец стоял над чертежной доской — он был инженером, изобретателем и постоянно что-нибудь чертил дома, насвистывая песенки из кинофильмов. Мама в своем углу стучала на ножной швейной машинке «Зингер». Она любила, чтобы ее сыновья и муж ходили красиво одетыми. Старшему брату шум не мешал. Когда он увлекался своей математикой, его уже ничто не могло оторвать. Гриша тоже увлекался — он как раз увлекался чтением, прочитал подряд Гайдара, «Остров сокровищ» и принялся за «Записки о Шерлоке Холмсе». Собака — рыжий ирландский сеттер обожала лежать у чьих-нибудь ног, сладко вздыхать и смотреть неотрывно на любимых хозяев. Любимыми у нее были все четверо, даже к кошке она относилась терпимо. А кот делал вид, что собаки вовсе не существует, держался независимо.

Таковыми запомнились Грише ленинградские вечера из той, мирной жизни.

А потом наступили дни, которые вспоминать было страшно.

Вот он — отставший от состава. Только что смотрел на плывущих под гармонь бойцов около воинского эшелона, может быть и слышал какие-то гудки, да не обратил внимания, а потом побе-

жал к своему поезду — а там лишь пустые рельсы.

Растерянного Гришу привели к начальнику станции какие-то тетки. Начальник поставил перед Гришей эмалированную зеленую кружку с горячим чаем, а сам долго звонил по телефону. Потом выслушал то, что ему сказали, прижал неожиданно Гришу к себе и проговорил:

— Нет больше твоего поезда. Разбили его с воздуха бомбами.

Гриша потом пробовал писать в разные города. Какие города обозначались на карте большими кружками, туда и писал. И по своему ленинградскому адресу писал тоже, но часто письма так где-то и пропадали, даже назад не возвращались. А сам он стал детдомовцем, и на память о семье у него ничего не осталось, кроме большой красной пуговицы от маминого пальто... Гриша, когда ему было особенно печально, доставал эту пуговицу и, глядя на нее, вспоминал всю прошлую жизнь.

Оставалось надеяться, что после победы брат, воевавший где-то на фронте, будет жив, и они найдут друг друга каким-нибудь чудесным путем.

Детский дом был в небольшом уральском городке, в Можге. Такого города Гриша даже на карте не мог найти, уж очень он был некрупный. А после детдома Гриша поступил в ремесленное, стал жить в общежитии. Теперь же ехал с другими бывшими ремесленниками на новое место.

* * *

Анатолий Григорьевич Солдатов в шестнадцать лет был крестьянским сыном, в семнадцать — учеником слесаря и студентом вечернего рабочего факультета, в двадцать шесть — инженером, а в тридцать семь стал директором Пермского моторостроительного завода. Словно война, заставив людей изменить штатские неспешные свои привычки на военные и строгие, дала и нового директора со специальной суровой воинской фамилией.

Директор Солдатов многие ночи спал в своем кабинете на жестком кожаном диване, а часто и вовсе не спал — выходил на освещенный ночными фонарями заводской двор, шел в цеха, разговаривал с рабочими, мастерами, конструкторами. Фронту ежедневно требовались новые самолеты, и моторы к этим самолетам строил его завод.

Шел четвертый год войны. И казалось, что всякий месяц из этих лет был для завода самым трудным. А может быть и не казалось, возможно это было на самом деле — и самым трудным был не только каждый месяц, а каждый новый день. Вот и сейчас, в начале осени, жизнь завода, а значит и директора, осложнилась.

В цехах у станков не хватало умелых и сильных рук. И все-таки каждый день писались заявления, начинающиеся с одинаковых слов: «Прошу немедленно отправить меня на фронт». Можно подумать, что сам директор не рвался на фронт. Но, с другой стороны, уж он-то понимал, какое важное задание выполняет его завод.

Весной Главному командованию стало ясно, что фронту необходимы свежие силы, без них Красная Армия не могла перейти в наступление, и была объявлена запись в Уральский Добровольческий танковый корпус. В первый день записи у заводского комитета комсомола стояла длинная очередь. Каждый доказывал, что фронту нужен именно он.

Из цехов ушли десятки лучших людей завода, и заменить их было пока некем. А директор знал, что через месяц завод получит специальное задание Государственного Комитета Оборона. Для решающих побед стране требовалось еще больше новых авиационных моторов.

На штурм одного окопа можно послать и пятерых людей. Для штурма крепости пятерых уже мало, тут потребуется многочисленное хорошо обученное войско. И в Москве понимали, что людей, которые остались на заводе, для выполнения специального задания мало, обещали пригласить пополнение — молодых комсомольцев.

«На фронт ушли умелые, организованные рабочие, — с тревогой думал директор Солдатов, — а вместо них придут мальчишки да девчонки и с ними надо будет идти в наступление».

Ведь специальное задание было для завода тем же, что наступление для армии.

* * *

«Помещение летнего кинотеатра украшено лозунгами, плакатами. На столах лежат газеты, журналы, играет радиолка. Сюда собрались представители дирекции, завкома, парткома, комсомольской организации и начальники цехов...

В середине дня к зданию кинотеатра прибыл первый автобус, за ним второй. Из автобусов выходят юноши и девушки с дорожными чемоданами и мешками. Это воспитанники ремесленных училищ. Они приехали из разных городов, чтобы помочь нашему заводу выполнить задание Государственного Комитета Оборона. Большинство — комсомольцы.

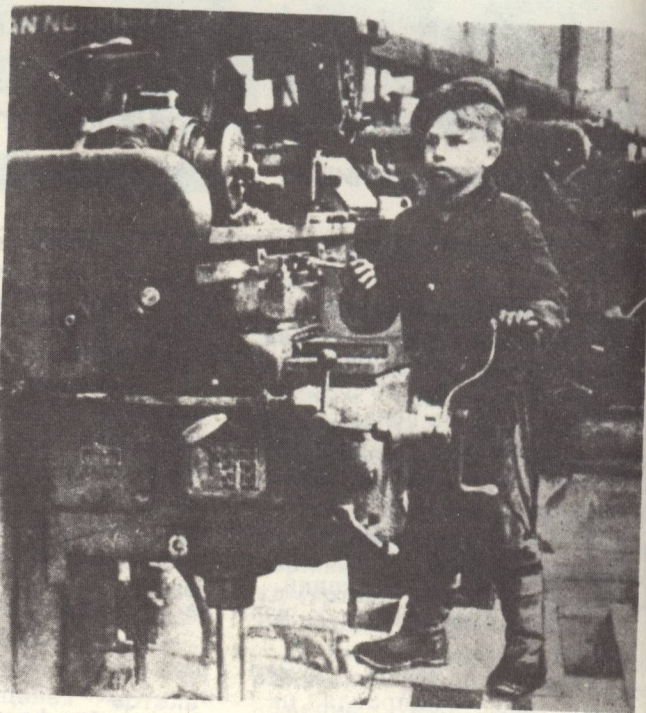
В дружеской беседе руководители завода, цехов и комсорги рассказывали новичкам об истории завода, о том, что должны делать вновь прибывшие».

Так писала заводская газета.

Гриша ее аккуратно сложил и убрал в тумбочку, рядом с маминой пуговицей. Ведь о нем писали в газете впервые.

* * *

В общежитии вдоль длинного коридора было много дверей. Сейчас двери были приоткрыты, а за ними виднелись одинаковые комнаты с пустыми железными кроватями, с тумбочками.

Юный комсомолец из бригады фрезеровщиков

— Селитесь, кто в какую комнату хочет, только без обид и толкотни, — сказала пожилая женщина в сером платке. — Я вам буду воду в титане греть, кой-какую уборку наводить, а вы чтоб меня слушались. Я этот барак сама когда-то строила, здесь прежде болото было да пни.

Гриша поселился в одну комнату с Николаем.

— Ватных матрасов нет, где ж на всех напашесься, зато из деревни для вас стог сена привезли, вон в окно видно. Набивайте матрас сеном туго, оно потом умнется. И чтоб сено там не топтать, зря не разбрасывать.

Гриша уже и в детском доме спал на сеном матрасике, и в ремесленном. Грише нравилось взбивать его каждое утро, а потом делать из матраса ровный четырехугольник, чтобы прямые были бока.

— У сеного матраса душа луговая, — говорила воспитательница в детском доме, — а у ватного — души вовсе нет.

Потом они получили алюминиевые кружки, ложки, миски, составили все в тумбочки и стали здесь жить.

Некоторые принялись сразу письма писать — с нового места. Кто на фронт, кто домой. А некоторые, как Гриша, смотрели на них с грустной завистью, потому что писать им было некому.

Гриша уже знал, что пойдет в механический цех к начальнику Субботину Михаилу Ивановичу. А с комсоргом он сразу познакомился. Комсорг специально по комнатам ходил, смотрел, как они устроились, спрашивал, кто откуда приехал.

— Весь выходной для вас койки расставляли, — сказал он.

Гриша на минуту споткнулся, когда отвечал, откуда он. Потому что сюда он приехал из города Можги, а вообще-то ведь он ленинградский.

— Я и сам такой, — сказал комсорг. — Сам из Харькова, а сюда — из Свердловска.

* * *

Утром в тесной комнате, отделенной от механического цеха стеклянной перегородкой, сидели начальник Михаил Иванович и комсорг Гриша, Николай и остальные ремесленники входили в комнату по очереди.

— Григорий Ефремов, комсомолец, вырос в Ленинграде, учился в Можге, — сказал комсорг начальнику цеха, а Грише кивнул: — Садись, Гриша.

Гриша неловко присел на краешек скамейки. — Крепче садись, крепче, — начальник цеха вдруг улыбнулся, — мы с тобой в цехе хозяйева, так что и сидеть должны по-хозяйски.

Гриша подвинулся, сел удобнее. — Фрезерный станок хорошо освоил? — начальник Михаил Иванович спросил теперь серьезно.

Гриша кивнул. — А на каких станках вы работали в ремесленном?

Гриша сказал на каких. Михаил Иванович остался доволен. — Родственники имеются? — Потеряны пока, — ответил за Гришу комсорг. — Думаю, Михаил Иванович, надо Гришу к Антонову в комсомольско-молодежную, фронттовую. Как, Гриша, по-фронттовому работать сможешь?

— Смогу, — тихо ответил Гриша. — Ничего, как привыкнешь, так и голос вырастет, — Михаил Иванович снова улыбнулся. — Зови следующего.

В том углу цеха, где работала бригада Антонова, на стене висело несколько почетных грамот от комитета комсомола. Грамоты были вставлены в красивые резные рамочки.

— Сам выпиливал, — сказал бригадир про рамочки.

На вид бригадиру лет было столько же, сколько и Грише, может, на год больше.

— Станок твой рядом с моим, раньше на нем хороший человек работал, на фронт ушел. Что непонятно, сразу спрашивай. Главное — брака не напори.

Все утро Гриша волновался. Когда же подошел к станку, успокоился. На таком же фрезерном Гриша работал и в училище.

— Ты, главное, помни, что делаем мы не телеги, а моторы для истребителей, — решил еще раз сказать Антонов напоследок. — Тут все должно быть точно по чертежам, до сотых долей миллиметра. Если что в воздухе с мотором произойдет — и самолету гибель и летчику... А вот и мастер наш, — Антонов оглянулся.

Антонову было лет семнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть взросло. Мастер выглядеть взросло не старался. Он и так был пожилым, с усами и удивительно походил на мастера из ремесленного.

— Начнем, Григорий Ефремов, первый день, — сказал мастер. — Держи чертеж, внимательно его изучи, вот ящик с заготовками, инструмент тоже видишь. Норма — сто восемьдесят деталей в сме-

ну. Если в первый день не вытянешь — не горюй, потом наверстаешь, коли старание приложишь. В чертеже все понятно?

Гриша кивнул.

— Хорошо, когда понятно. Люблю грамотных.

* * *

Много раз Гриша уже брал в руки фрезу и всегда любил смотреть на красивые и гибкие ее линии.

«Не зря говорят, что фреза, как распутившаяся роза», — повторял мастер в училище.

И сейчас Гриша выбрал нужную фрезу, провел пальцем по острым ее граням, закрепил ее, зажал первую заготовку, включил станок, и через минуту пошла первая стружка.

— Нормально включил, уверенно! — крикнул от своего станка Антонов. — Работать умеешь. Он, оказывается, наблюдал за Гришей.

Первая деталь получилась точно по чертежу. Скоро рядом с ней блестели, отражая электрический свет, вторая, третья.

И тут случилось страшное. Гриша заторопился. «Перевыполни норму, сразу все станут меня уважать», — подумал он.

Гриша суетливо схватил новую заготовку, зажал ее быстрее, повернул рычаг на себя, в сторону. «Быстрее, быстрее!» — гнал он себя.

Рычал станок, летела стружка, а Гриша все торопился, вынул готовую деталь, схватил другую заготовку. Потом все-таки решил проверить ту, предыдущую.

Отверстие в ней оказалось глубже на полтора миллиметра. Исправить его уже было невозможно.

Незаметно для Антонова Гриша положил испорченную деталь в ящик для брака. Теперь надо было спешить еще быстрее — ведь столько времени он потерял зря! «Хорошо еще, сам заметил, а если бы на контроле узнали — вот был бы позор!»

И опять движения были чересчур суетливые и потому неверные. Опять деталь была испорчена, и ее надо было незаметно положить в ящик для брака.

Но Антонов заметил. Он выключил свой станок и подошел к Грише.

— Разогнался? Я тоже в первый день три детали подряд запорол.

Грише было так стыдно, что он и ответить не мог.

— В первый день все себя хотят показать. А надо не о себе, а о детали думать. В общем, спешу медленно, понял?

Теперь Гриша работал аккуратно и точно, не торопился.

* * *

В обед мастер повел всех в столовую.

— Не устал? — спросил он у Гриши.

— Конечно, нет, — Гриша постарался ответить голосом повеселее.

— Плохо, — сказал мастер. — Человек от работы должен уставать. Я, например, устаю, однако работаю.

Они сели за длинный крепкий деревянный стол, и Гриша снова оказался рядом с мастером.

— Я на заводе пятнадцатый год работаю. Почти столько, сколько тебе лет, — сказал мастер Грише. — Сам его строил. Сначала пни корчевал, потом был коломашником. Что такое коломашка, знаешь?

О коломашке Гриша слышал впервые.

— Главный транспорт был на стройке. Телуга на двух колесах, чтоб кузов опрокидывался. Вся наша техника была — топор, пила да лопата. Не то, что сейчас. Деталей много запорол? — спросил он вдруг.

— Две, — сказал Гриша.

— Значит, вовремя сообразил. Больше уж не порти, пожалуйста. Металла сейчас, сам понимаешь, всей стране не хватает.

* * *

К концу смены Гриша пересчитал детали и понял, что норму он выполнит.

И тут к нему снова подошел Антонов.

— Тебя после смены зачем-то комсорг просил зайти.

Около стола комсорга сидели двое парней.

— Это Ефремов, новенький, — сказал комсорг, когда Гриша подошел. — Устал?

— Устал, — честно сказал Гриша.

— Молодец, — похвалил один из парней.

— Ты, Ефремов, грамотный? — неожиданно спросил комсорг.

— Грамотный, — ответил Гриша, удивляясь вопросу.

— Нам пришло письмо от летчиков. Обычно мы даем отвечать девчатам, а тут, понимаешь, Гриша, решили тебе. А потому, что летчик — твой однофамилец, тоже Ефремов... Держи письмо, — комсорг протянул конверт. — Только, когда ответишь, дай Михаилу Ивановичу прочитать, чтоб ошибки исправил.

* * *

Письмо от неизвестного летчика Гриша стал читать в общежитии.

«Дорогие товарищи рабочие!

Большое спасибо вам за ваш замечательный мотор. Ваши моторы — самые лучшие и мощные среди боевых машин. Самолеты Ла-5 с вашими моторами летают быстрее мессершмиттов.

Все мои товарищи говорят, что пермский мотор в бою самый надежный. Недавно его надежность испытал и я. Во время воздушной атаки я поджег мессер, он закувыркался и, оставляя столб черного дыма, врезался в землю. На моем боевом счету это был уже шестой подбитый враг. Но оказалось, что в этот раз ранения получил и мой самолет. Когда я приземлился, то в нескольких деталях мотора обнаружил зияющие дыры.

Но мотор продолжал работать, как зверь.

В нашей воинской части почти все комсомольцы, а моя эскадрилья — комсомольская целиком.

На ваш героический труд, товарищи рабочие, мы отвечаем уничтожением фашистских стервятников.

С комсомольским приветом от всех моих боевых друзей, гвардии младший лейтенант Ефремов».

* * *

Весь вечер Гриша думал, как ответить летчику. Ведь он еще ничего особенного на заводе не сделал. Отработал один день и выполнил норму. А ничего героического с ним вообще не случилось.

От поезда отстал да попал в детский дом, а из детского дома — в ремесленное. Это сейчас происходило со многими. Не то что летчик — уже шесть самолетов сбил.

А еще в Гришу вьелась мысль — об этом даже и думать было невозможно, но Гриша все-таки думал: а вдруг тот летчик не просто однофамилец, а его брат Дима? Ведь Гриша ничего о нем не знал уже три года, с того момента, как Дима пошел добровольцем на фронт, а Гриша с матерью и отцом сели в поезд. Мог же Дима за это время стать летчиком?

И хотя Гриша сам себя ругал за такую нелепую надежду — у них в одном ремесленном было три Ефремовых, но надежда не уходила и даже проникла в письмо, которое он написал летчику.

Гриша ответил так:

«Дорогой товарищ летчик!

Мне дали ваше письмо, потому что я ваш однофамилец.

Я пока ничего такого особенного не совершил, ведь я на заводе отработал первый день, но я постараюсь ответить на ваши героические подвиги своим ударным трудом.

У нас в цехе все комсомольцы, потому что мы недавно кончили ремесленное и приехали сюда из разных городов. Я, например, приехал из Ленинграда, а там жил на Невском. Только я не совсем из Ленинграда приехал, а из города Можги, где был в детском доме и кончал ремесленное. А семью свою я потерял, хотя и продолжаю искать.

А сегодня меня включили в комсомольскую фронттовую бригаду, и мы постараемся и дальше делать такие моторы, чтобы они вас в бою не подводили.

С комсомольским приветом!

Рабочий-фрезеровщик Ефремов».

* * *

Николай, Гришин сосед, прочитал письмо, и оно ему понравилось.

— Может подружитесь, переписываться будете... А я, пока ты писал, придумал, как выработку увеличить, — сказал он. — Я завтра заготовки рядом поставлю, чтоб не отходить от станка за каждой.

— Про тебя, Коля, и в ремесленном мастер

говорил, что у тебя изобретательный ум, — похвалил его Гриша.

На следующий день Гриша сумел сделать на две детали больше, чем полагалось по норме. А Колю даже нарисовали в «Молнии». Со всех сторон он был окружен готовыми деталями, детали вылетали у него из-под рук, а внизу были написаны стихи:

«Коля — паренек задорный.
Он, придя впервые в цех,
Дал на фрезерном две нормы —
Замечательный успех!»

* * *

Гриша не стал отдавать письмо на проверку грамотности. Он боялся, что начальник цеха Михаил Иванович зачеркнет про Ленинград и Невский проспект.

Николай, который переписывался и с отцом и с братом, сказал, что письмо на фронт идет неделю — не меньше. Значит, ответ можно было ждать только недели через две.

Но все равно, когда в обед комсорг выносил почту, выкликал фамилии, Гриша прислушивался. Фамилия Ефремов не звучала.

Через два дня Гриша тоже расположил заготовки рядом — так, чтобы не ходить за каждой. На один поход — туда и обратно тратилось полминуты. На сто восемьдесят заготовок — девяносто минут, полтора часа. Да еще каждое хождение выбивало из ритма.

Гриша даже сам удивлялся — он и не суетился вовсе, а движения стали быстрыми и точными. За смену он сделал в полтора раза больше нормы.

— Молодцы, ребятки, — хвалил их в обед мастер, — можете гордиться. — А потом подумал и

А. Г. Солдатов, директор завода

добавил: — Только не слишком гордитесь. Норма — она ведь не учитывает, какой человек у станка. Одно дело — вам шестнадцать, у вас руки быстрые, а другое — женщина в сорок лет, да из деревни. У нее так скоро не получится.

* * *

Утром в воскресенье бригадир Антонов сказал: — Наша бригада фронтовая. А на фронте выходных нет. Пошли к приезду пополнения барак готовить.

И они пошли в соседнее пустое здание.

Неделю назад приехал Гриша в общежитие и даже не удивился тому, что пол чистый и окна везде чистые, и койки стоят готовые. А все это, оказывается, фронтовые бригады в прошлый выходной сделали.

Теперь и Гриша тоже вымыл окно, потом пол в комнате, а потом вытер сапоги тряпкой, и вместе с Николаем они внесли металлические койки.

А после обеда приехало пополнение — такие же ремесленники, какими Гриша и Николай были неделю назад, неопытные.

* * *

Гриша не стал разглядывать новичков, потому что Антонов повел его в главный сборочный цех.

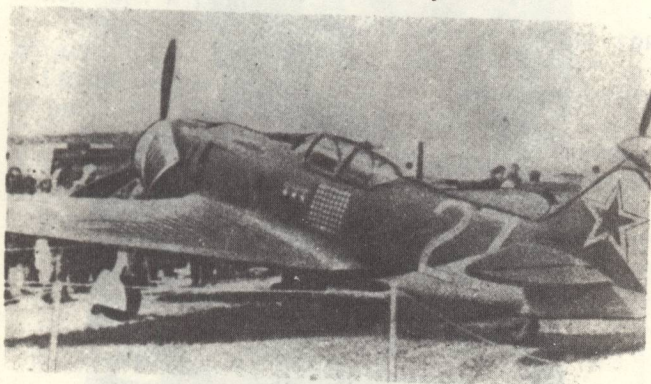
— Весь мотор покажу, чтобы ты понимал, что мы делаем. А то я одного токаря спросил, что он точит, тот говорит — болты да гайки. А весь завод, спрашиваю, что делает? Так то и делает — болты да гайки. А мы, если все вместе, лучший в мире авиационный мотор строим.

Антонов подвел Гришу к готовым моторам. И Гриша сначала не мог найти в нем свою деталь, потому что деталей в нем были сотни. Но потом все-таки разыскал.

— Эти моторы уже прошли испытания, — сказал Антонов, — значит, деталь твоя сработана хорошо.

И Гриша в первый раз по-настоящему понял, что скоро его деталь вместе с деталями, которые делали Антонов, Николай, весь завод, будет летать в моторе, атаковать и преследовать врагов.

— Потому я и говорю всем новеньким о точности, — солидно объяснил Антонов.

Самолет Ла-5 трижды Героя Советского Союза И. Н. Кожедуба с пермским мотором

* * *

Недалеко от Гриши на токарном станке работал Андрей.

Гриша еще в первый день заметил его, потому что не заметить его было трудно.

Андрей постоянно насвистывал веселые песни и военные марши. А когда они встречались перед работой, он всякий раз подмигивал и, улыбаясь, говорил что-нибудь веселое в рифму.

«Навались, пехота, началась работа». Или иначе: «Вперед сынки, вас ждут станки».

Те стихи в «Молнию» о Николае тоже он сочинил.

В это утро он тоже подмигнул Грише, улыбнулся, но стихи говорить не стал, а сказал другое:

— Последний день на заводе. Пробился, наконец.

— Куда пробился? — не понял Гриша.

— На фронт, конечно. Завтра утром в эшелон — и на запад. Ты тут проследи, чтобы мой станок хорошему человеку достался.

На другой день у станка Андрея никто не стоял. А заготовки, которые надо было обточить, лежали кучей.

— Ты на токарном умеешь? — спросил Антонов Гришу.

— Конечно, умею. Нас и на токарном учили, и на сверлильном, и на строгальном.

— Я тебя почему спрашиваю, потому что ты — человек точный, тебе доверять можно. С токарной работой у нас затор, а станки стоят. Пополнения нового тоже пока нет.

— Только я свою работу должен кончить.

— Правильно, кончи, — согласился Антонов.

Теперь Гриша уже мог себе позволить спешить. Нет, он не суетился, не хватал судорожно заготовку, чтобы закрепить ее кое-как, руки сами делали движения четкие и твердые, только работали быстрее.

К обеду фрезерная норма была полностью выполнена.

А после обеда Гриша подошел к станку Андрея. И Антонов тоже включил пустовавший токарный станок.

Сначала Гриша волновался. Но потом, когда закрепил резец и подвел его к вращающейся заготовке, он вдруг понял, что руки его и тут станут работать умнее, быстрее, чем работали в училище.

Так он отстоял у станка час и второй. Отводил резец, выключал станок на несколько секунд, проверял микрометром размеры, снова подводил резец. Снимал последние микроны стружки, ставил на место готовую деталь, закреплял новую заготовку.

Странно, что работали у него руки, а устали — ноги. К концу смены так хотелось присесть на какой-нибудь ящик и посидеть минут пять-десять. Но работа еще оставалась, и ее обидно было бросать незаконченной. Да и не только обидно — ее просто было нельзя бросать. В следующей смене токарей тоже не хватало. И если одних деталей сделать сто штук, а других — восемьде-

сят, то ясно, что и моторов соберут лишь восемьдесят, а никак не сто.

— Все по домам, а мы с Гришей задержимся на часок, — скомандовал Антонов бригаде.

Потом он подошел к Грише, вынул из кармана сухарь и разломил пополам.

— Погрызем пять минут, а потом, как там Андрей говорил: «Вперед, сынки, вас ждут станки».

Они посидели на ящичке и пососали сухарь.

У станков стояли уже люди из новой смены, некоторых Гриша едва знал лишь в лицо. У половины станков и вовсе никого не было.

— Потому нам и приходится жать, что люди на фронте, а заменить нечем, — солидно объяснил Антонов. — У меня ноги устали, еле держат, — признался он. — А у тебя?

— У меня тоже.

— Ты как, родных своих так и не нашел?

— Нет, — ответил Гриша, а сам подумал о летчике, но не стал рассказывать.

— Я тоже, — проговорил Антонов, — как пропали в сорок первом, так и никаких следов.

И снова стояли они у токарных станков, снова вращались заготовки, и теплая стружка отлетала в металлический поддон.

Гриша пришел в общежитие и сразу лег на койку. Даже есть ему не хотелось.

— Ты отдыхай, а я тебе чай приготовлю, — сказал Николай, — ты, кажется, даже исхудал за сегодня.

А когда в коридоре кто-то запел, Николай сразу выскочил за дверь и сказал громким шепотом:

— У тебя чего — совести совсем нет? Тут люди на двух станках отработали, им отдых нужен, а ты — галдишь.

* * *

На другой день Гриша прочитал в «Молнии» про свой трудовой почин. Про то, как они с бригадиром Антоновым, выполнив свои нормы, заменили ушедших на фронт двух токарей.

Но ведь и в этот день и в следующий их снова надо было заменять: сделав за полсмены норму на своем станке, становиться к станку Андрея. А работа у Андрея была сложная и брака не позволяла.

Теперь даже мастер не спрашивал у Гриши, устал он или нет, а лишь подходил иногда и приговаривал:

— Ох, сынки вы мои, сынки!

* * *

В обед комсорг неожиданно позвал:

— Ефремов! Григорий! Ему письмо, а он не подходит.

— Это правда мне? — не поверил Гриша.

— Может и не тебе, я не знаю, имени здесь нет, но написано: «рабочему-фрезеровщику Ефремову». Хоть теперь ты и токарем стал, а все-таки Ефремов в цехе у нас один.

Гриша взял письмо — воинский треугольник и

прочитал обратный адрес. Письмо было от летчика Ефремова.

Гриша ушел с письмом в пустой угол и только там его развернул:

«Дорогой товарищ фрезеровщик Ефремов!

Большое спасибо тебе за письмо и за комсомольский привет всем моим друзьям.

Сообщаю, что моторы ваши по-прежнему очень нас выручают во время боя.

Я, например, вчера расстрелял весь боезапас, и меня хотели взять в клещи два мессера, но мне удалось уйти от них только благодаря повышенной скорости.

О себе хочу добавить, что я тоже вырос в Ленинграде и тоже жил на Невском. Если учесть, что и фамилии у нас одинаковые, то интересное получается совпадение. Может быть, мы могли даже встречаться, хотя ты, конечно, намного меня младше. Напиши, в каком конце Невского ты жил, ведь Невский большой — четыре с половиной километра. У меня в Ленинграде были мать с отцом и братишка, а теперь все погибли, не осталось никого — один я из всей семьи.

Напиши, какая семья была у тебя, может быть были старшие братья или сестры, и я их знал.

Думаю, что ты уже на заводе не новичок и стал опытным человеком.

Желаю тебе новых трудовых успехов.

С комсомольским приветом!

Гвардии лейтенант Ефремов Дмитрий».

* * *

Когда Гриша дочитал письмо до конца, он сел на пустой ящик и долго сидел молча.

Конечно, Ефремовых на Невском много и, конечно, Дмитриев тоже немало и даже младшие братья у них наверняка есть.

Если бы лейтенант написал не только имя, а и отчество, тогда стало бы все ясно и можно было бы надеяться... А так... Гриша уже видел других в детдоме, которые надеялись на встречу с родными, отцом или матерью, а потом ходили, как мертвяки.

Директора завода Солдатова Гриша видел часто. Он проходил по цеху суровый, молчаливый, его всегда окружали начальники цехов, главный конструктор. Он был похож на маршала, обходящего свои войска.

В этот день он пришел к ним в цех и долго сидел у начальника Михаила Ивановича. А когда ушел, начальник приказал всем комсомольцам остановить станки на десять минут и собраться на комсомольское собрание.

— Красной Армии необходимы моторы нашего завода на пять дней раньше срока, — сказал Михаил Иванович. — Я знаю, вы все сильно устаете, почти каждый выполняет по полторы нормы, а некоторые и по две. Но если мы сумеем на пять дней раньше сделать наши моторы, то значит, самолеты полетят на пять дней раньше в бой, и, как знать, быть может, на пять дней раньше наступит день победы. Я сказал директору завода, что мы справимся. Кто считает, что я сказал правильно, поднимите руки!

Руки подняли все.

* * *

Вечером Гриша написал письмо летчику Дмитрию Ефремову:

«Здравствуйте, дорогой товарищ гвардии лейтенант Дмитрий Ефремов!

Сегодня мы постановили сделать моторы в такой срок, как вам требуется.

Я уже работаю на двух станках и выполняю две нормы.

Еще о себе хочу добавить, что я жил на Невском около кинотеатра «Колизей». У меня был старший брат и мама с папой. А старшей сестры — не было. Брата звали, как и вас, — Дмитрием. Он был студентом-математиком, потом ушел добровольцем на фронт, а потом мы поехали в поезде, я потерялся, а поезд разбомбили с воздуха, и адреса брата я не знаю.

Если мы встречались на Невском, то я вас мог запомнить, потому что младшие всегда запоминают старших, а старшие замечают младших редко. Если у вас есть фотография, то пришлите ее, пожалуйста, мне. У меня родных никого нет, только брат, и то неизвестно где. Я буду каждый день смотреть на вашу фотографию, и вы мне будете вместо брата.

Комсомольский привет всем вашим боевым друзьям!

Ефремов Гриша».

* * *

В конце месяца директор завода Солдатов доложил в Москву о досрочном выполнении плана.

Он решил принять лучших рабочих завода у себя в кабинете. Перед приемом он долго советовался с начальниками цехов — какие премии можно дать знатым стахановцам и отличникам производства.

— Многим из них едва исполнилось шестнадцать, — сказал Михаил Иванович. — Думаю, надо их наградить вареньем. Ребята детдомовские, варенья они давно уже не видели, опять же и витамины им нужны. А еще надо дать что-нибудь необходимое, лучше всего — валенки, а то они у меня простужаться начали.

Директор так и поступил. Собрал лучших рабочих за своим столом в кабинете, поставил перед каждым банку варенья, а потом в заводской кладовой отличникам производства выдали валенки.

Заводской фотограф снял собравшихся на память и через два дня каждому вручил фотографию.

Гриша свою фотографию положил в тумбочку рядом с маминой пуговицей, газетой и письмами летчика Ефремова.

Лучшие молодые рабочие на приеме у директора завода А. Г. Солдатова

Он теперь не пропускал ни одной раздачи писем. И хотя знал, что ответ придет не скоро, все-таки подходил первым каждый раз, когда приносили почту.

Наконец однажды выкрикнули и его.

* * *

Это был не простой треугольник, а настоящий конверт и, возможно, там была фотография.

Как и в прошлый раз, Гриша унес письмо в пустой угол. Он осторожно вскрыл конверт, и сразу бросились ему в глаза первые слова письма:

«Братишка, дорогой мой!»

Гриша прочитал их и закрыл глаза. Лишь через несколько минут он смог читать дальше:

«Как здорово, что ты нашелся! Я так этому рад, что сказать невозможно. И сразу тебе пишу.

Времени у меня нет — через три минуты новый вылет, а твое письмо принесли только что, поэтому я вкладываю сразу фотографию, а напишу, что успею.

Вот уже и восстанавливается наша семья. А раз ты жив, то может быть (я в это верю) живы и наши отец с матерью...

Я сейчас так волнуюсь, что и писать толком не могу. Да и ты, представляю, как волновался, если даже кинотеатр перепутал. Ведь мы жили не у «Колизея», а у «Баррикады», в другом конце Невского. И почему ты, милый братишка, вдруг решил, что я был математиком, когда я учился на агронома?

Прости, бегу в самолет, дали ракету. Вечером напишу подробнее.

С комсомольским приветом!

Твой брат, Дмитрий Ефремов».

Гриша вынул фотографию.

С нее смотрел веселый лейтенант-летчик. На брата Диму он был непохож вовсе. Это было совсем другое лицо.

Гриша снова закрыл глаза, а потом перечитал письмо заново.

Нет, конечно же, они жили у «Колизея». Гриша помнил все дома вокруг, так же как длинные математические формулы в конспектах брата.

«С комсомольским приветом!

Твой брат, Дмитрий Ефремов», — вновь прочитал он и опять взглянул на фотографию.

И вдруг ему показалось, что брат Дима так и выглядел, как этот веселый летчик. Раньше, до войны, он был таким и сейчас наверняка такой же.

«Вот уже и восстанавливается наша семья», — прочитал он другую строчку.

«У каждого человека обязательно должна быть семья, — подумал Гриша. — Каждому человеку необходим другой, хотя бы один, родной и близкий».

Лишь единственная фотография была у Гриши — недавняя, где он сидит на приеме у директора Солдатова. Ее Гриша и послал летчику. А в конце подписался:

«С комсомольским приветом!

Твой брат Григорий Ефремов.»

Пионерский САМОЛЕТ

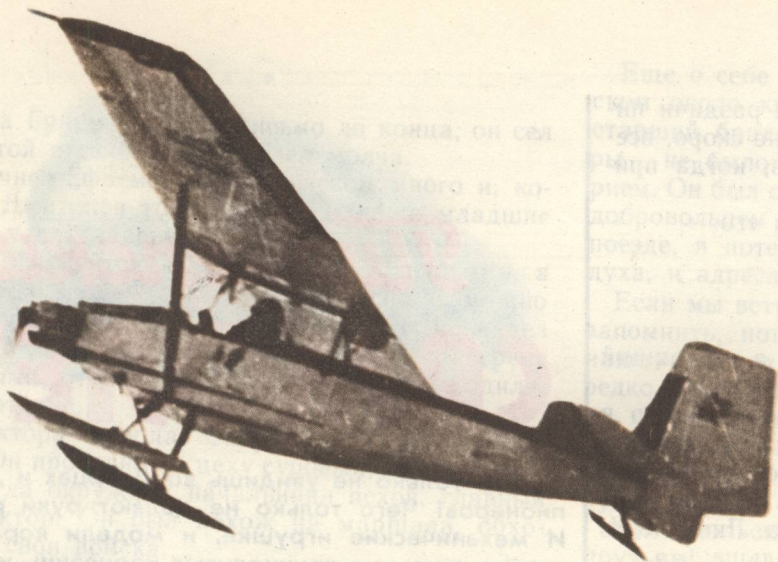
Чего только не увидишь во Дворцах и Домах пионеров! Чего только не делают руки ребят! И механические игрушки, и модели кораблей, и скульптуры из причудливых корневищ, и говорящих роботов! Смотришь и не перестаешь удивляться. И все-таки, бывает, ахнешь...

Представьте себе: небольшой уральский город Лысьва. Не столица и даже не областной центр, маленький симпатичный городок среди лесов и невысоких гор. Дом пионеров совсем скромный — старый, бревенчатый, в два этажа, с узкой, скрипучей лестницей. Не дворец, именно — дом. Правда, дом доживает последние месяцы, потому что на берегу озера строится новое, современное здание и это уже будет настоящий дворец. Но пока — что есть, то и есть — старый бревенчатый дом. Полы дощатые, комнаты маленькие. Какая посветлее, какая потемнее. В полчаса все можно обойти...

Идете вы, идете, и вдруг в одной из комнат, совсем темной, заставленной листами фанеры и конструкциями непонятного на первый взгляд назначения, видите самолет! Да, да, самый настоящий самолет! Правда, небольшой — взрослому в кабину втиснуться можно с трудом, но когда вы потрогаете его руками, заглянете в фанерное нутро, осмотрите приборную доску с указателем скорости, компасом, вариометром, то поймете: это — настоящий самолет и сделан он для самых настоящих полетов. Небольшой мотор, двухлопастный винт, крепкий фюзеляж, крылья. Все чуть-чуть уменьшенное, как бы детское... А это и есть самолет для ребят. Самими ребятами и сделанный. Пионерский самолет! И летают на нем ребята...

А начиналось все с моделей. Авиамodelьный кружок лысьвенского Дома пионеров славился давно. Потом пришел знающий человек, Владимир Константинович Вьюгов, и ребята принялись делать планеры. Но планер — это уже завое-

вание неба, то, с чего начиналась авиация, — легкие крылья Отто Лилиенталя, еще безмоторные конструкции братьев Райт... Планер — это смелость, знания и умение. И вот появились планеристы двенадцати, десяти лет и даже восьмилетнего возраста! Летали не только мальчишки, девочки тоже — Вера Лобанова, Оля Якшина, Оля Бушмелева...

ИЗ ДНЕВНИКА Оли БУШМЕЛЕВОЙ, ЧЛЕНА ПЛАНЕРНОГО КРУЖКА

«...21 мая, воскресенье, шесть часов утра. Небо в тучах, холодно, сильный ветер. Город только начинает просыпаться, а мы уже собрались у Дома пионеров. Вынесли планер из класса во двор и подготовили его к буксировке: фюзеляж закрепили на тележке, крылья на прицепе. После этого буксируем части планера на Липовую гору, где будем летать. На этот раз погода нам не помощник. В поле еще более

сильный холодный ветер: но несмотря на это настроение у всех приподнятое. Все вместе собрали планер, поставили флажки, вбили ломик, прицепили трос, размотали амортизатор и наметили место полетов. Чтобы согреться, сделали стенку из брезента и развели костер.

На построении руководитель кружка уточнил порядок работы и особенности летного дня. И вот планер на старте. Мы разделились на две группы, ждем команды к запуску.

Первым летит, как всегда, наш руководитель. У конца левого крыла становится сопровождающий и дает команду: «Внимание, 35 и бегом!» — это значит, что мы должны растянуть амортизатор на 35 шагов.

Начинаем отходить от планера. Амортизатор в руках становится тоньше, начинает потрескивать. Но вот заданные

шаги пройдены. Старший группы поднимает руку:

— К запуску готовы!

В это время планерист в своей кабине дергает ручку замка. Планер начинает разбег, взлетает, с характерным свистом проходит над нами, покачиваясь в беспокойном воздухе, планирует и... плавно садится.

В этот день старшие кружковцы выполнили десять полетов, младшие только балансировались — сильный порывистый ветер мог перевернуть планер в воздухе. Когда полеты закончились, мы пили чай.

Летный день кончился...

Ведь до чего удивительно: школьники — планеристы! Но человек никогда не стоит на месте: если уж начал летать, так подавай ему все небо — дальше и выше... Планер — хорошо, а что если построить самолет? С мотором! И ребята под руководством Владимира Константиновича принялись за дело. Все расчеты и чертежи сделали сами, с материалами помогли шефы. Через год родился пионерский самолет «Аист».

Когда «Аист» был готов, летать сначала ребятам не разрешили. Видано ли? Самодельный самолет! Дети в воздухе. А если что случится? Планер — еще куда ни шло — испытанная конструкция, да и не высоко и не далеко... И вообще, кто может решить, что этот, сделанный ребячьими руками самолет, может подняться в воздух и летать?..

„Аист“ в воздухе

Мы у своего самолета.
Крайний слева вверху —
Владимир Константинович Вьюгов

Это Володя Гроссман — семиклассник

А это Володя Гроссман — летчик
аэроклуба города Перми

„Мы одеты как на маскарад из-за
холодной погоды...“

Сергея Беляев готов к полету

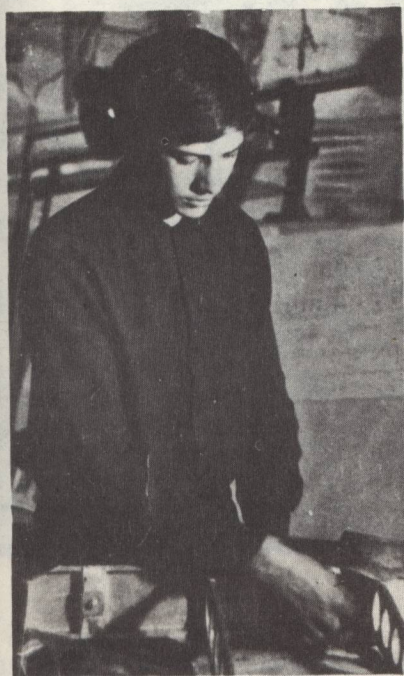

Долго рассказывать, как ребята добивались такого разрешения, пришлось Вьюгову даже ездить в Москву. Но в конце концов разрешение летать на «Аисте» было получено.

ИЗ ОТЧЕТА ЛЫСЬВЕНСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

«...Самолет «Аист» спроектирован и построен школьниками в планерном кружке Дома пионеров.

Летно-технические данные:	
размах крыла	— 8,75 м
длина	— 5,7 м
высота на стоянке	— 2,2 м
вес	— 160 кг
полетный вес	— 250 кг

нагрузка полезная — 90 кг
скорость крейсерская

— 80 км/ч

посадочная — 56 км/ч.

С двигателем М-62 «Аист» выполнил 172 полета, налетал 72 часа 45 минут».

Пионерский самолет для многих лысьвенских ребят открыл дорогу в большую авиацию. Сережа Беляев стал пилотом. Володя Гроссман — пилот-спортсмен пермского аэроклуба, Толя Липнягов — десантник, Коля Маркушин и Сережа Иванов — курсанты Высшего военно-воздушного учи-

лища, скоро станут военными летчиками...

А та самая Оля Бушмелева, которая рассказала нам об одном летном дне планеристов, — сейчас студентка и учится в Куйбышеве в авиационном институте.

Если вы побываете в Лысьве, то уже не сможете увидеть, как летает «Аист». Как говорят летчики, «Аист» вылетал свой моторесурс. Он поставлен в Доме пионеров как музейный экспонат. Но скоро сможете увидеть, как летает «Орленок», машина более совершенная, которую делают лысьвенские ребята.

Олег ОРЛОВ

ПОЧЕМУ У ТИГРА НА СПИНЕ ЧЕРНЫЕ ПОЛОСЫ

ВЬЕТНАМСКАЯ СКАЗКА

Рисунок А. Ивашенцевой

Случилось это в давние времена.

Один молодой крестьянин кончил работу на рисовом поле. Был полдень. Он решил отдохнуть в тени большого дерева, около клочка земли, который он обрабатывал. Отдохнуть и поесть вареного риса; рис был завернут в толстые гибкие листья пальмы.

Его буйвол тем временем пасся на поросшей травой насыпи, окружавшей поле. Поев, буйвол лег в тени банановых деревьев, лежал и задумчиво жевал свою жвачку, отгоняя время от времени ленивыми движениями головы мух.

Внезапно он насторожился: дыхание ветра донесло до него запах хищника. Буйвол поднялся на ноги и стал ждать, подняв морду так, что рога легли ему на спину.

Появился тигр. Он приблизился к буйволу и сказал: «Я пришел не как враг. Я хотел бы задать тебе один вопрос. Я смотрю на тебя каждый день, прячась в кустарнике, который окружает этот

клочок земли. Как случилось, что человек, это маленькое двуногое существо, не обладающее ни особой силой, ни грозным видом, заставляет тебя работать? Ведь ты в десять раз крупнее, быстрее и выносливее, чем он!»

«Я ничего не могу ответить, — сказал добродушный буйвол, — просто всегда получается так, что я подчиняюсь воле человека. У него есть какой-то чудесный талисман, который он называет умом».

«Мне совершенно необходимо узнать об этом, — сказал тигр, — если у меня будет этот талисман, я буду властвовать над всеми зверьми. Вместо того чтобы выслеживать мои жертвы и гоняться за ними по джунглям, я буду просто приказывать им не двигаться. Я смогу даже выбирать животных, мясо которых мне больше по вкусу!»

«Так! — согласился буйвол. — Но пойдти и спроси у человека его секрет сам».

И тигр пошел. Он появился перед крестьянином

и очень вежливо сказал: «Господин человек! Я большой, сильный и быстрый, но мне нужно еще кое-что. Я слышал, что у тебя есть что-то, что называется умом. Благодаря ему тебе подчиняются все животные. Не мог бы ты уступить мне немножко ума? Это мне совершенно необходимо!»

«Ладно, я дам тебе немного, — ответил человек. Он испугался тигра. — Но я оставил мой ум дома. Видишь ли, ум никто не берет с собой, когда идет работать в поле. Если хочешь, я схожу за ним».

«Могу ли я пойти с тобой?»

«Лучше, если ты останешься здесь. Люди в деревне испугаются и, еще чего доброго, убьют тебя. Подожди меня здесь!»

И крестьянин сделал несколько шагов в сторону деревни. Затем он вернулся и сказал: «Знаешь, меня беспокоит, что во время моего отсутствия тебе может прийти в голову мысль съесть моего буйвола».

Тигр не знал, что ответить.

Тогда человек сказал: «Если позволишь, я привяжу тебя к дереву. Тогда я буду спокоен».

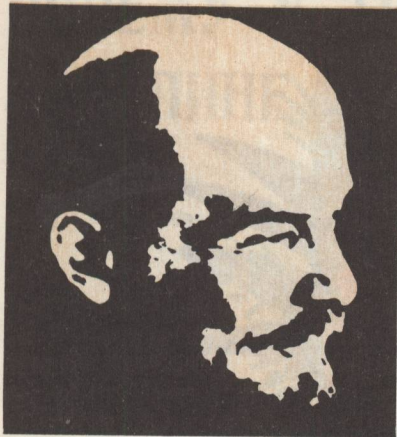
Тигр согласился. Человек привязал его веревками к стволу большого дерева и ушел домой. Оттуда он принес сухую рисовую солому, разложил ее вокруг дерева и поджег.

«Вот мой ум!» — крикнул он тигру.

Окруженный пламенем зверь зарычал так страшно, что содрогнулись джунгли. Потом он взвыл и стал просить человека отпустить его. Человек хотел развязать зверя, но огонь добрался до веревок, которыми был привязан тигр, и пережег их. Тигр вырвался из когтей. Он прыгнул в кустарник, и тот сомкнулся за ним, сбив клочья горелой шерсти и куски тлеющей соломы.

Так было, и время до сих пор не смогло стереть с его желтого платья черные полосы — следы огня, а человек до сих пор умнее любого зверя.

Перевела и записала И. РОМАНОВА

Поиск юнкоров и следопытов „Костра“, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина

Многие ребята нашего класса готовятся вступать в комсомол. Мы изучаем Устав ВЛКСМ, внимательно читаем речь Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ. И тут узнали, что недалеко от школы живет Ф. К. Зуйков — человек, который был делегатом съезда и слушал выступление вождя.

«Этот съезд был очень молодым, — рассказал нам при встрече Федор Кузьмич. — Из 602 делегатов 112 было 16—17-летних и только 23 человека — старше двадцати лет. И здесь нет ничего удивительного, мы рано становились взрослыми, самостоятельными.

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

Я, например, пошел работать в двенадцать лет. Сначала мыл посуду в трактире, потом был швейцаром в доходном доме, вернее — швейцаренком, потом — рассыльным в конторе адвоката.

Революция не была для меня неожиданностью, к тому времени я уже несколько лет занимался в одном из московских революционных кружков. И был счастлив, что свершилось то, о чем мы мечтали на занятиях. Потом с винтовкой в руках я, как и многие мои сверстники, сражался на фронтах гражданской войны. А в марте 1920 года получил в ЦК РКСМ задание: организовать в городе Барнауле первую комсомольскую ячейку. В ту пору война еще продолжалась, сам я служил в армии и главным делом своей жизни считал борьбу — защиту революции.

Именно с таким настроением и приехал на съезд в Москву. Я был молод, голоден и плохо одет: шинель, сапоги с голенищами разной высоты... Впрочем, мой наряд не бросался в глаза. Большинство делегатов одеты были не лучше. И на это мы не обращали внимания. Думали об одном: будет ли выступать Владимир Ильич Ленин.

Все были готовы к тому, что партия поставит перед комсомолом новые важные задачи. И тем не менее речь Владимира Ильича была для нас полной неожиданностью. Мы ждали призыва к борьбе, а он нас призывал учиться. Учиться, когда кругом враги, разруха, голод, когда так далеко еще до мировой революции.

Мы поняли вождя не сразу. Но как он был прав тогда! Учиться коммунизму, сочетая теорию с практикой, — именно это являлось важнейшей насущной проблемой не только для всей страны, но и для каж-

дого из нас. И именно об этом нам говорил Ленин.

С тех пор прошло целых шесть десятилетий. И мне довелось быть участником и свидетелем многих исторических событий. Но этот день считаю самым счастливым днем своей жизни».

*Таня Ларионова,
8-й класс,
школа № 882,
Москва*

Мы хотим рассказать о Николае Георгиевиче Киселеве. В комсомол он вступил в 1939 году и с того времени хранит свой комсомольский билет.

Когда мы увидели этот документ, мы сразу же обратили внимание, что на билете всего два ордена и еще какие-то дырочки и темные пятна. Но Николай Георгиевич сказал: «Все правильно. Это сейчас Ленинский комсомол шестиорденоносный, а в ту пору были только эти награды. Что же касается дырочек и пятен — это память о Великой Отечественной войне. В одном из боев осколки фашистской мины пробили мне грудь и прошли возле самого сердца. Вот и получилось, что нас ранили

вместе. Ведь комсомольский билет я носил в левом кармане гимнастерки, как и положено по Уставу».

А еще мы узнали, что на войне Николай Георгиевич Киселев был ранен семнадцать раз, а сейчас работает директором завода, где делают сельскохозяйственные машины.

*Сережа Мартыненко,
Таня Сорокина,
Юра Луконин,*

*отряд «Поиск»,
город Славянск
Донецкой области*

Прошлой осенью мы ездили в деревню Дубовицы на уборку урожая. На поле нас встретил совхозный бригадир и сказал: «Повезло вам, ребята. Будете работать с лучшим трактористом области — Анатолием Алексеевичем Карпачевым».

Вскоре подошел и Анатолий Алексеевич. Он нам сразу понравился. Веселый, приветливый. Глаза у него все время щурятся то ли от солнца, то ли от смешинки. «Ну что, — говорит, — давайте трудиться. Без хорошего труда нет и плода».

И мы стали работать. Впереди ехал трактор с копалкой

и выворачивал из земли клубни. А мы шли за трактором и собирали картошку в ведра. Анатолий Алексеевич все время нас подбадривал: «Дело делать надо с улыбкой, дело скуки не любит». И мы проработали весь день и почти не устали.

А позже, когда наш пионерский отряд получил следопытское задание собрать материалы о героях десятой пятилетки, мы сразу же вспомнили об Анатолии Алексеевиче и пригласили его на сбор.

Анатолий Алексеевич рассказал нам, как стал трактористом, как работал на полях

в горячую весеннюю пору и днем и ночью. И как за свой труд получил орден Трудового Красного Знамени и медаль ВДНХ.

Мы задали Анатолию Алексеевичу вопрос: «Какие черты характера Вы цените в людях?» Он ответил: «Трудолюбие и человечность».

К 110-й годовщине со дня рождения Ленина мы сделали альбом и включили туда рассказ про А. А. Карпачева.

Надя Петрова,

*7-6 класс
школа № 4
города Старая Русса
Новгородской области*

СЛОВО — ИСТОРИКУ

Перед нами — очередные сообщения участников поиска. И каждое — по-своему интересно и значительно. Но мне думается, что будет правильным, если я постараюсь прокомментировать одно из них — сообщение москвички Тани Ларионовой. Ведь в этом месяце исполняется ровно шестьдесят лет со дня выступления Владимира Ильича Ленина на Третьем съезде комсомола.

Речь вождя — «Задачи союзов молодежи» — одно из самых известных его выступлений. И, казалось бы, об этом выступлении давно известно все, знакомо до мельчайших подробностей. Но в том-то и состоит, наверное, преимущество историка и следопыта, что каждый факт, даже такой значительный, как обращение Ленина к делегатам съезда, не может существовать отдельно от других фактов. Историк и следопыту непременно надо выяснить, как, при каких обстоятельствах и почему именно эти слова прозвучали в тот октябрьский день в зале на Малой Дмитровке в Москве? Что предшествовало им? О чем Владимир Ильич размышлял накануне своего выступления? И, конечно, очень важно знать: как проходило выступление, какие вопросы задавали вождю делегаты съезда.

Давайте же мысленно перенесемся в те далекие дни, заглянем в странички, написанные быстрым ленинским почерком:

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые вырабатало человечество».

Эта ленинская мысль не раз повторяется в его рукописях и выступлениях в октябре 1920 года. Овладеть огромным

богатством человеческой культуры, творчески освоить его, поставить на службу социализму — вот тема раздумий Ленина.

В те дни Ленин думает и о будущем школы, в которой будет воспитываться человек коммунистического завтра. Задачи школ, писал Владимир Ильич, — «дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и практически подготовленного к этому

**столяра,
плотника,
слесаря и т. п.**

с тем однако, чтобы этот «ремесленник» имел широкое общее образование... был коммунистом».

Эти слова как бы продолжают ленинскую мысль из знаменитой речи «Задачи союзов молодежи». Кстати, именно эти ленинские указания и были учтены Центральным Комитетом нашей партии в период создания в стране профессионально-технических училищ, где, как вы знаете, ребята получают и законченное среднее образование и рабочую специальность.

Шестьсот с лишним юношей и девушек слушали 2 октября 1920 года речь Ленина. Из сотен живых черточек, документальных свидетельств складывается образ Ильича. Одно из таких свидетельств — воспоминания Федора Кузьмича Зуйкова.

С. КОЛЕСНИКОВ,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина

БАРАБАНО

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Пионеры всей страны делу великому верны!

На встрече с юнкорами

Леонид Иванович Шушпанов — делегат III съезда комсомола, на котором 2 октября 1920 года выступал Владимир Ильич Ленин.

Леонид Иванович ветеран Коммунистической партии, делегат XXV съезда КПСС, кавалер многих орденов, рассказывал, как ему впервые довелось услышать Владимира Ильича Ленина:

— Помню, как стремительно вошел Ленин в президиум, и весь зал подался вперед, зашумел, зааплодировал.

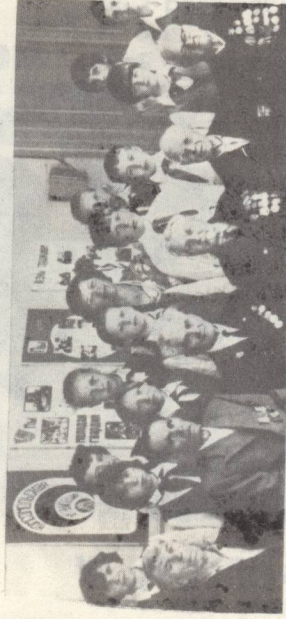
Владимир Ильич с трудом нас успокоил, достал карманные часы, показал: «Время!», зал стих... Мы внимательно ловили каждое ленинское слово. Ильич открывал перед нами, молодыми, необозримые перспективы. Задачи, которые тогда были поставлены, многим казались неожиданными: разруха, голод в стране, и вдруг ленинский призыв: «Задача состоит в том, чтобы учиться!»

Каждое слово любимого вождя мы воспринимали как наказ. «Комсомольцы должны бороться с голодом...» И мы в своем Сестро-реке, где я тогда жил, решили немедленно помочь взрослым. Стали, например, выращивать картофель на пришкольном огороде, чтобы передать урожай городской столовой... Конечно, эта задача была временной...

Выступление В. И. Ленина опережало время. Его речь была обращена не только к нам, а и к вам, сегодняшним комсомольцам и пионерам.

Учиться коммунизму призывал нас Владимир Ильич не только по книгам, а всей своей жизнью, всеми своими поступками доказы-

В гостях у „Барабана“ юнкоры городского штаба „Факел“ при Дворце пионеров города Лысьва Пермской области

Ветераны гражданской войны в гостях у пионерского городского штаба „Факел“

Песня сблизит людей!

Ранним утром по дороге в Пермь мчался автобус. А в автобусе — пятнадцать девочек звонко распевали пионерские песни. Это ехали участницы первого областного фестиваля имени П. И. Чайковского. Целый год работали ребята, и фестиваль принес много радостей: композитор Кабалевский, председатель жюри, вручил победителям главный приз.

Сейчас — снова занятия, подготовка к новым концертам.

*Гаяля Жукова,
Дом пионеров*

Наши традиции

У нас есть свои традиции. Мы, например, обучаем председателей советов отрядов третьих классов. И результаты этого видны: Света Яковлева из школы № 2, бывший председатель отряда, выбрана председателем совета дружины, Алла Зернова стала членом пионерского штаба «Факел». Наверное, учеба помогла!

Наши ребята не боятся никакой работы. Летом и осенью помогали на прополке и уборке овощей в совхозе. Лучшие штабисты — Оля Гринько, Оксана Ролина, Сергей Еловских, Саша Васенин награждены путевками в «Орленок».

*Юля Рябова,
председатель совета дружины*

школы № 13

БАМУ — пионерские мосты!

Лысьва — город металлургов. На всю страну известен Государственный ордена Ленина и ордена Отечественной войны I степени металлургический завод.

Пионеры и комсомольцы нашего города участвуют во всеозной операции «БАМУ — пионерские мосты!». Лучших сборщиков металллома приглашают на завод в мартеновский цех наблюдать, как идет плавка.

Вот наш металл загрузили в печь. Плавка скоростная, ведут ее лучшие сталевары.

Ну и жара была! Ребята отошли подальше, а сталевары — нет! Настоящие покорители огня! Затем мы смотрели выплавку собранного нами металллома.

Металл получился высшего качества. И мы были, конечно, рады. Ведь это наш металл!

*Валя Рязанова, Андрей Обьорин,
члены штаба*

вать готовность жить в коммунистическом обществе.

Верю, что и ваших сил, вашего энтузиазма хватит на самые замечательные дела!

ОСЕННИЙ КРОСС

Сергея Середняков, 11 лет, город Пермь

Тарас Бульба взял своих сыновей и повез их в Запорожские Сечи.

Прислала **Марина Фомина**
из города Тавада

Барадашки

Учитель:
— Назови круглый предмет.
Ученик:
— Голова...

Учитель:
— Как была прочитана древнеегипетская письменность?

Ученик:
— При раскопках нашли древнего египтянина...

Учитель:
— Какие силы воздействуют на молекулы?

Ученица:
— Силы притяжения и отталкивания.

Мама задает Ане задачу:
— Представь себе, что у тебя было

Дружись с селом

Любимая форма работы нашего штаба — школы пионерско-комсомольского актива в подшефных сельских школах. Нас знают в селах Ломовка, Кормовище, Невидимка, Рассоленки, Кумыш... Приезжая, мы рассказываем ребятам о своих делах на марше, делимся опытом, проводим веселые спортивные старты. Хорошо дружить с селом!

Лена Богатырева,
школа № 18

Люблю свой город

Лысьва — значит лесная вода. Мне нравится Лысьва зимняя. Зимой она становится белой и красивой, для ребят всюду строятся снежные городки. Можно кататься с горок, ходить по запутанным ходам пещеры.

Лена Абраменкова,
школа № 5

пять пуговиц, а две ты потеряла, сколько у тебя осталось?

Аня отвечает:
— А я не буду терять пуговицы.

— Ура! Мне купили собаку из породы экстерьеров!

Мама:
— Ах! У меня молоко убежит!
Сын:
— Не убежит! У нас двери и окна закрыты...

Прислала **Эльвира Гильфанова**
из города Сибай

Мой папа

Мой папа работает на турбогенераторном заводе. Однажды вместе с папой всей семьей мы ездили в Румынию. Там нужно было собирать генераторы, которые делают на заводе. Сначала мы приехали в Бухарест. Мы с братом жили в школе-интернате. Там нам очень понравилось. За год, что мы там прожили, у нас появилось много друзей.

Вова Ялуцкий,
школа № 2

Возложение цветов в память героев — защитников Родины

Веселая

ГРУСТНАЯ ДЕВЧОНОЧЬЯ МУДРОСТЬ

Сергей ИВАНОВ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. Ивашенцевой

Она была почти в центре поля, и ничем не могла помочь. Лишь поднялась на цыпочки, чтобы лучше видеть трагедию своей команды. Хотя и это было бессмысленным делом.

Слава Серов, юркий левый инсайд первого отряда, непринужденно обыграл Игнатова, потом бросившегося к нему с подкатом Генку Савелова. Прошел немного вперед... Мягко, внутренней стороной стопы, которая у футболистов зовется «щечкой», Серов пустил мяч точно под удар Ромке... Гол!

Но в воротах второго отряда стоял Зубаткин. Тот самый, которого два года назад звали «бациллой» — за легендарную худобу. И до сих пор зовут «компотик» — за горячую любовь к этому чисто лагерному лакомству... Зубаткин сделал то, чего не сделал бы сам великий Лев Яшин.

Ей показалось, что Димка упал в левый нижний угол еще до того, как Ромка Лучик ударил. Будто увидел мысли вражеского центра нападения... Лучик подпрыгнул, выбросив вверх правый кулак, как делают по телевизору все футболисты, забившие гол. А мяч-то был в руках у Димки! Это стало чем-то вроде нокаута для команды первого отряда.

Трибуны рыдали.

И здесь она, все еще стоя в центре поля, сунула в рот два мизинца и свистнула. Димка, единственный, кто услышал свист, вскочил и все понял. Вон она, одна-одинешенька стоит, Наталья Яблокова. Димка сильно выбил — мяч летел над всеми: над защищающимся вторым отрядом и над нападающим первым, сильно ударился о траву, и здесь Наташа поймала его на коленку и помчалась к воротам первого отряда. Она бежала совершенно одна. Догнать ее не было никакой возможности. Трибуны всхлипнули и больше не дышали. Половина народа вскочила, половина сидела в полуобморочном состоянии.

Вратарь первого отряда Шамиль Фролов стал нервно пятиться к своим воротам. Но не выдержал и побежал ей навстречу.

Они встретились где-то у линии штрафной. Наталья протолкнула мячик под бросившимся ей в ноги Шамилем, сама перепрыгнула через него. Конец, ворота пустые... Такой сказочный для нападающего миг! Последний шанс был у вскочившего с земли вратаря — сделать противнику подножку: черт с ним, что пенальти, все-таки не гол. А там поборемся!

Но не было у него и этого шанса. Кого же сбивать? Девчонку? Он крикнул:

— Лягушка!

Яблокова ударила, мяч мягко шлепнулся в сетку. Потом Наташа обернулась и спросила:

— Где?
— Ну что за девчонка! — сказал Шамиль. — Ты девчонка или мальчишка?
— А ты мальчишка?
— А ты сомневаешься?
— Сомневаюсь!

Никто не слышал этого разговора. Некоторым даже показалось, что Шамиль поздравляет Наташу с выдающимся голом.

* * *

Как уже, наверное, догадался читатель, это был матч гигантов, матч первого и второго отрядов.

В «Маяке» игралось много разных смешанных матчей. То были рядовые «футболянки»: для души, на спор, кто кого повезет до столовой. Слушались и более крупные пари. Скажем, на тот же компот.

Но матч гигантов был делом особым, был древней традицией «Маяка». Он игрался каждое лето, один раз, в конце второй смены. Без него не могло обойтись, как не могло обойтись без похода, без «Дня ветеранов войны», без «Концерта вожатых» или без «Вечера интернациональной дружбы».

Его ждали, к нему готовились, его любили, этот матч, пятьдесят минут футбольного времени (два тайма по двадцать пять). Каждый год разрабатывали новые правила. Суть их сводилась к тому, что старшие давали младшим какую-то фору. Это было естественно. Иначе игра получилась бы неинтересной, игрой в одни ворота. А кому это нужно?

И еще была одна железная традиция у этих матчей. Всегда тренером команды второго отряда назначался доктор Андрей Владимирович Галенко, который, как и Алька Лимонов, всегда болел за более слабых.

Накануне исторического матча — и это тоже была традиция — во втором отряде состоялось расширенное собрание команды, то есть, собственно говоря, всего наличного народа — дело то кровное. Повестка: выборы капитана и обсуждение форы.

— По первому пункту, — говорил Денис, который был известным общественным деятелем и любил поэтому выступать, — по первому пункту у команды споров не будет. Капитан — Яблокова Наталья!

Капитаном, кстати, мог быть и сам Денис и еще кое-кто. Но раз уж так — умерим свои честолюбивые планы. Впервые за всю историю «Маяка» в столь ответственном мужском деле принимает участие девчонка. Причем ее место в центре нападения не дань какой-то там дурацкой галантности, а совершенно справедливое да и полезное для команды действие.

Первой на слова Дениса откликнулась «палата сов» — бурными и несмолкающими аплодисментами. А уж за ними и весь остальной люд.

— По второму пункту у меня такое предложение, — продолжал Денис своим общественным голосом. — Нам вообще не нужна никакая фора. Рубиться, так рубиться! Кто смелый, тот со мной

согласится. Как видите, даже получилось в рифму...

Отряд как-то нерешительно призамолк — кому охота при таком стечении народа праздновать труса?

Андрей Владимирович воспользовался этой паузой и начал говорить, пока собрание еще не успело одобрительно загудеть или наломать еще новых дровишек.

Доктор очень спокойно обсмеял Дениса за его любовь к шикарным выражениям. И затем так же спокойно объяснил, что фора не есть подачка, что это по-честному. Надо ее лишь наилучшим образом использовать, как первый отряд будет использовать свою силу, рост и скорость.

— И свои более крепкие, чем у некоторых из вас, нервы, — добавил доктор.

Его уважали за многое, а сейчас за то, что он лучше всех среди жителей «Маяка» играл в футбол.

Фору придумывало общее совещание взрослых «Маяка», чтобы первый отряд в своем непрошеном благородстве тоже не наломал дровишек. И фору в этом году придумали интересную. Второму отряду предлагалось на выбор: либо пробить три пенальти (в любой момент игры или после нее), либо усилить команду Андреем Владимировичем: играющий тренер — это было в принципе законно. И все-таки они выбрали три восьмиметровых. Тут уж все зависит от тебя, и ни за чью спину не спрячешься... Так опять же говорил общественный Денис. И Наташа Яблокова видела своим уже появившимся капитанским зрением, что доктор немного расстроен.

Разработали план на игру — контратаки. Первый отряд вынужден будет идти вперед: как-никак пенальти припекает.

— Мы уже сейчас должны точно понимать, — говорил Андрей Владимирович, — что они вам забьют. Вопрос в том, сколько! Три наших пенальти — это еще не три гола. Но мы должны сделать так, чтоб все эти три мяча были в воротах. Давайте решим, кто будет их бить.

Хотелось каждому. Но уж очень дорогая была цена у каждого удара.

— Я могу пробить, — сказала Наташа.

— Что? Все три?

Она пожала плечами:

— Первый же отряд не надеется, что я забью. А я забью.

Молчание. Вся команда... все мальчишки молчали.

— Ладно, — сказал Андрей Владимирович. — Завтра решим. А сейчас пока пусть будет так.

После ужина они сами отменили себе кино, чтобы пораньше заснуть — для спортивного режима. Оказалось, напрасно... Наташа лежала в темной «палате сов», и сон был где-то очень далеко от нее, километров за двести. А мысли тревожные тут как тут.

В команде второго отряда она не играла, конечно, лучше всех. Она просто была неплохим нападающим, неплохой забивалой. А капитаном ее сегодня выбрали как девчонку. Раз уж появилась в команде такая личность, надо выбирать!

Но ведь отвечать-то ей теперь приходилось по-настоящему!

Она стала представлять себе завтрашнюю игру. То и дело загорались картины каких-то схваток, ударов. Всего этого делать ей никак не следовало. Есть такое в спорте понятие — перегореть перед игрой. Вот этим самым она сейчас и рисковала.

«Совы», между прочим, разлетались по своим снам. Наташа, которая обычно засыпала едва ли не быстрее всех, сейчас впервые присутствовала в спящей палате, со всякими там ее посапываниями, бормотаниями и темной тишиной.

С правого бока, на котором она надеялась заснуть, Наташа повернулась на спину.

— Ты не спишь, сова? — послышался голос. Это говорила Федосеева. — Ты волнуешься?

Их кровати стояли через тумбочку, и можно было разговаривать только приподнявшись на локте.

— Хочешь, Расскажи мне, как ты завтра будешь играть, и успокоишься.

— Я сама не знаю, — ответила Наташа.

— А я всегда перед выступлением весь танец в голове протанцую и успокаиваюсь.

— У тебя танец-то уже готовый, — сказала Наташа. — А тут все как получится.

— Ну ладно. Кто у тебя, например, в команде лучший футболист... кроме тебя?

Наташа стала рассказывать. Про великого вратаря Зубаткина, который может потянуть почти любой мяч, хотя слабоват, когда играет на выходах. Про Альку — он у них считается мозгом команды. Любой хитрейший пас — это для него родная стихия. Зато сам он забивать не умеет — псих и ударчик у него хилытина. С ним лучше всего играть на маленьком поле в маленькие ворота, где все накоротке... И про Игнатова — что у него самый спортивный характер. Он, конечно, не такой техничный как Лимонов, зато рубится до последнего. Надежный.

— Как ты все знаешь, — тихо сказала Алла... слишком тихо, и Наташа поняла, что и эта сова сейчас улетит в свои сны.

Она полежала еще некоторое время в тишине, перебирая в уме мальчишек команды, и все сильнее чувствуя себя капитаном, и все больше от этого успокаивалась. И наконец уснула.

* * *

На следующий день с утра пошла предстартовая лихорадка — тут уж никуда не денешься... После завтрака вышли на тренировку. Им предоставили поле с одиннадцати до двенадцати. А первому отряду — с двенадцати до часу.

Выставили охрану, чтоб враг не подсматривал тактические варианты. Хотя чего там подсматривать: ну погоняли немножко мячик, ну постукали по воротам. Единственная тайна — потренировали пенальти. Здесь доктор придумал им странное упражнение — бить по пустым воротам. Сказал:

— Бить только по углам. Самое лучшее, что можешь.

Бить по пустым воротам кажется легче легкого. На самом деле — труднее! При живом вратаре

можно, когда ума или нервов не хватает, треснуть изо всей дурацкой мочи — авось и пролезет. А когда в воротах невидимый, уже нет. Потому что ты бьешь как бы сам себе.

Первым испытание не выдержал Алька: ударил в штангу, ударил мимо, третий раз — почти в самую середину ворот. Махнул рукой и отошел.

Другие были получше, но тоже не совсем надежно: мешал несуществующий вратарь!

Наташа пробила три раза, и все три в одну и ту же левую шестерку.

— Стоп! — крикнул Андрей Владимирович. — Больше не надо... Запомнила, что надо делать? К мячу подошел Игнатов.

— Еще раз стоп! — вдруг сказал доктор. — Психологическое испытание... Расслабилась, Наталья? А ну-ка, бей еще.

Тут она заволновалась... Пустой квадрат ворот... Разбежалась — мяч влетел точно в левую шестерку.

— Вот это нервишки! — доктор покачал головой.

— Только плохо, что лупит в один угол, — сказал Алька.

— А может наоборот хорошо, — Зубаткин развел руками. — Какой тебе дурак подумает, что она в один угол засадит все три удара! Я бы лично никогда не подумал.

Потом был обед и тихий час, который они действительно провели тихо, чтоб якобы накопить силы.

И наконец наступило роковое мгновение. Эдуард Иванович сунул в рот свисток.

— Сейчас откусит, — тихо сказал Алька, но никто не улыбнулся.

Наташа и хотела и уже не хотела этого матча, как всегда бывает перед началом. Она тихо катнула мяч — им по жребью досталось начинать, а первый отряд выбирал ворота, — поэтому теперь солнце светило Зубаткину Димке в лицо. Для вратаря это большое неудобство.

Потом минут пять все приходили в себя, потом началось уже всерьез. С трибун игра выглядела, наверное, не очень живописно. Шла борьба — еще без особых комбинаций, без особой хитрости — по началу сил у всех было много. И ни та, ни другая команда не подпускала друг друга к своей штрафной.

Иной раз в «Советском спорте» Наташа читала статьи, где футболистов ругали за то, что они играют, видите ли, «не остро». Это писали, как сердито думала Наташа, люди, выходящие на поле только для того, чтоб собирать ромашки... Не остро! Но ведь игру надо построить, сложить. А это не так-то просто и не так-то быстро.

Минут за десять до конца тайма первый отряд начал серьезно давить — сказала их форма в... триста шестьдесят пять дней. Но и второй отряд был готов к этому. Отходить, сжиматься в пружину. И резко контратаковать... Хоп! Игнатов с Денисом выбежали вдвоем на одного защитника. Но затыркались, замыркались, удар у Дениса получился вялый. Надо было Игнатову бить.

Атака ничего не принесла, даже углового. Но будь Наталья Яблокова на месте первого отряда,

она бы призадумалась: надо с защитой-то не зевать. А первый отряд ничего в той атаке не заметил, только случайный наскок. Они, видите ли, наступали, они, видите ли, давили, осыпали второй отряд градом ударов, имея в голове лишь классически известную поговорку, что нападение есть лучшая защита!

Тут главное не замандражировать — когда на тебя идет такая армада. Не поломать плана игры. И не раз, и не два Андрей Владимирович кричал им с трибуны:

— Наташа! Денис! Место!

Их тактика победила, и очень скоро произошел тот исторический случай, с которого мы начали наш рассказ.

— Лягушка! — крикнул Шамиль.

Мяч мягко плюхнулся в сетку.

— Где? — спросила Наташа.

Трибуны по обыкновению своему ревели. А второй отряд бежал со всех ног, чтобы обнять своего драгоценного капитана.

— Слушай! Ну просто Жанна д'Арк! — Алька ткнулся ей носом куда-то в подбородок (по причине своего среднего роста).

Но сквозь эту бурю и восторг жизни она услышала капитанским своим ухом:

— Наташа! — Андрей Владимирович стоял, подняв над головой скрещенные руки: условный сигнал.

Никто еще ничего не понимал, когда она взяла из рук Купцова мяч, который он насупленно нес к центру поля, и понесла его обратно — в штрафную первого отряда. Встретилась глазами с Эдуардом Ивановичем:

— Право на восьмиметровый!

Сказала твердо!

Чуть в отдалении и вперемешку стояли обе команды. Шамиль неуверенно топтался в воротах... Вот тебе и лягушка! Да еще после такого гола. А если второй будет гол, тут уж они окончательно полягут. Но все зависит от ее удара.

Судья дал свисток. «Бью по пустым воротам, — сказала она себе. — Только в тот угол не смотреть. Говорят, вратари очень здорово узнают по глазам, куда будет удар...». Она разбежалась...

— Тама! — закричал Алька.

Оставшиеся до перерыва минут пять первый отряд приходил в себя, злился. Два раза сбили Игнатова и схлопотали две желтые карточки... «Вам бы сейчас играть, — думала Наташа, — а вы психуете. Ну и молодцы!»

Потом сидели вокруг Андрея Владимировича все красные, потные, делали сосредоточенные физиономии, а сами — ну невозможно было не расплыться. Конечно, они знали — да и Андрей Владимирович говорил — сейчас первый отряд поперет так, как нам и не снилось. Но все-таки уж очень трудно было испугаться: два гола да еще запас два «пенала».

Победа в кармане!

* * *

Второй тайм начался нелепо. Чуть не на первой минуте они пропустили гол... Они как и прежде

играли «сжатую пружину», то есть охраняли подступы к своей штрафной. А там — что хотите делайте! Из-за штрафной серьезно ударить — это, знаете ли, все-таки надо быть мастером.

И вот мяч благополучно улетел куда-то к угловому флагу — вообще на Камчатку. Там его подхватил Вадим Купцов... Купцова даже никто и не атаковал. Ждали, чтоб он сам наткнулся на заслон, как было в первом тайме... Правда, в штрафной у них было несколько вражеских воинов. Ну, да аллах с ними... Хлеба, как говорится, не просят.

Вадим продвинулся к штрафной, и, когда на него пошел защитник второго отряда, он крикнул:

— Роми!

И сделал навесную передачу. Мяч летел тихо. Но он летел высоко. И второй отряд мог его провозжать лишь заинтересованными взглядами. Собственно, первый отряд тоже. Но только не Ромка Лучик!

Дальше, наверное, можно не рассказывать: прыжок, удар, гол! Лучик по примеру всех талантливых нападающих вскидывает руки к небу, а второй отряд понуро идет начинать с центра.

Проходит две минуты — угловой. Подает Купцов:

— Роми!

Второй отряд начеку. Но мяч летит опять где-то в космической дали. Димка Зубаткин выскакивает на перехват, ошибается, ворота пустые. И Ромка головой, даже не очень сильно, даже несколько небрежно забивает еще гол... Воздетые руки, трибуны в соответствующих эмоциях. Что делать, неизвестно. Еще через пять минут Купцов опять на фланге с мячом. Ждать у моря погоды? Нарушая заслон, на него идет Савелов. Вадим — пас Серову. И тот снова:

— Роми!

На Серова, почти уже в панике, кидается Осипов. Но один на один Серов обыграет любого — это можете не сомневаться. Что он и делает, причем красиво. Заслона уже никакого нет, зато есть крошечный ужас. Удар! Димка совершает чудо — вытаскивает такой мяч, за который его срочно надо брать в «Динамо» или уж, по крайней мере, в «Спартак». Мячик от его рук отскакивает примерно на угол вратарской площадки. Здесь бы его и запулить от ворот куда подальше. Но ведь паника! Лучик делает шпагат, в падении дотягивается до мяча — гол! Теперь уже не головой, а ногой.

* * *

Итак, оглянуться не успели, уже продуваем. 3:2. А главное, совершенно неизвестно, что с этим наваждением делать и в какую сторону бежать спасаться!

Наташа отыскала на трибуне Андрея Владимировича. Оказывается, он тоже сейчас смотрел на нее, именно на нее. Было лишь одно более-менее средство против мчащегося к победе первого отряда — два совершенно точных восьмиметровых.

Их надо было сейчас бить, это ясно. Но кто же решится в такую минуту отдавать приказание. Противник — хоть с каждого лепи портрет древнегреческого героя. А у тебя все наоборот, и руки-ноги дрожат, словно на веревочках приделаны... В общем, Наталья, я предполагаю, а выбираешь ты... Все это и сказали ей сейчас далекие глаза Андрея Владимировича.

Мяч стоял на центре поля. Эдуард Иванович дал свисток и ждал, когда же они наконец начнут — команда, пропустившая очередной гол.

Наташа вдруг взяла мяч в руки... Пауза... Что за шутки?

— Право на восьмиметровый!

И разом переломилась игра. Героизм немножко повышел из первого отряда, как воздух из проколотой камеры... А на таком «велосипеде» далеко не уедешь. Уже неплохо! В воротах Шамиль делал довольно-таки петушинные подскоки и наклоны — якобы разминался. А чего там разминаться, когда ты уже полтора тайма отыграл. Он просто мандражировал. Так и запишем: он нас боится... побаивается.

Но и она сама побаивалась!

— Хочешь, я пробую? — тихо спросил Денис. В глаза при этом он не смотрел.

— А забьешь?

— Должен.

Наташа покачала головой:

— Ладно, я сама.

Все как в прошлый раз: вратарь, мяч, она. Остальные игроки сгрудились на линии штрафной площадки. Только настроение не то... Спокойно. Бью по пустым воротам.

Побежала на мяч, и ничего не существовало сейчас для нее. Удар!

Шамиль только вздрогнул. Мяч вонзился в левую шестерку, в ту же самую... Потом он все-таки упал, их вратарь, но исключительно для очистки совести, для зрителей, для своего авторитета перед командой.

Эдуард Иванович как-то особенно протяжно свистнул и показал на центр. Он словно бы тоже болел сейчас за нее. И здесь Наташа, совсем одна, даже глазами не посоветовавшись с Андреем Владимировичем, сказала судье:

— Право на восьмиметровый!

Пришла по-настоящему грозная и трудная в ее жизни минута...

Стадион притих. Не то растерянно, не то торжественно. И Шамиль Фролов забыл, что перед ним только девчонка, причем младше, причем слабее во всех отношениях. Он почти видел, что удар будет опять в ту же шестерку. Но вместо того, чтобы прыгнуть на мяч, с каким-то особым отчаянием и обреченностью грохнулся в другой угол.

Так она совершила самый великий подвиг за всю историю матчей между первым и вторым отрядом... Она шла к центру поля в окружении своей команды. Шла, ни на кого не глядя. И никто не смел броситься поздравлять ее, потому что, когда человек совершает подвиг, поздравления выглядят как-то неуместно.

А зрители, конечно, бушевали. Ведь они были далеко от великого человека и желали выразить ему свои чувства.

Первый отряд, сгрудившись у ворот Шамиля, смотрел вслед Наташе и ее свите. Нет, это не

был военный совет, это было... военное молчание, что ли.

Второй отряд уже стоял на своей половине поля в ожидании дальнейшего сражения, и Наташа Яблокова в центре.

— Пошли! — сказал Вадим. Все побежали вслед за капитаном. Они понятия не имели, как будут играть... «Аве, Цезарь! Моритурум те салютант!» — «Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя». Так кричали древнеримские гладиаторы, когда выходили на арену цирка. И всякому понятно, какое у них было тогда настроение. Что-то подобное испытывала сейчас и команда первого отряда.

Опомнившийся Коля Кусков выскочил к самой кромке поля, закричал им:

— Играть по-старому!

Но вряд ли кто услышал его.

* * *

Нет, услышал!

Был и в первом отряде большой спортсмен. Добрый человек, но большой спортсмен — Вадим

Купцов... А почему «но»? Кто, собственно, сказал, что одно другому противоречит? И бросьте вы свои сомнительные: «Аве, Цезарь!».

Обводка, удар. Перехват. Длинный пас на выход. Эх, Серов не успел. «Серый, не спи, замерзнешь!» В глазах у второго отряда еще сверкает салют победы, а тут, оказывается, надо играть.

— Денис! Денис же! — кричит Алька.

Проворонил Денис... Вадим Купцов рванулся вперед тяжеломерно, мощно. И вдруг остановился. И вся игра замерла на мгновение. Серов метался, путая защитников. Но Вадим высматривал не его.

— Роми!

Мяч летит медленно, как во сне. Видно каждый шов. А что ты с ним поделаешь?! Ромка прыгает, бьет почти в упор... Вот уж действительно: против лома нет приема.

Начали с центра. Играть оставалось еще семь минут. На табло красовался небывалый в футболе счет 4:4. А растерзанные нервы второго отряда уже совсем не годились для борьбы. Им бы хоть защищаться подружкой — они лезли на рожон. Потому что не согласны были на ничью, не умели и не хотели тянуть время, как некоторые умные команды мастеров.

Все перепуталось. Защитники ринулись в атаку. Нападающие застревали в собственной штрафной. Некоторые комментаторы называют такую игру открытым футболом. Но есть для этого и другое название: «Бей-беги».

И били, и бегали. Первый отряд, к слову, тоже был сделан не из противотанковой брони. И здесь уже просто кому-то должно было повезти... Повезло старшим.

Все получилось, как в первом тайме. Серов и Лучик вышли к воротам. А в защите одна Яблокова, которой бы надо быть совсем в другом месте. Ромка без лишней мудрости протолкнул мяч вперед и побежал. И сразу стало ясно, что Наталья не так уж быстро бегают, что она все-таки девчонка.

Зубаткин выскочил из ворот, чтоб сократить угол обстрела. Но Ромка не ударил, откинул Серову. Остальное, как говорится, было делом техники.

Они еще не успели начать с центра поля. Успели даже заработать штрафной и успели ударить... Мяч проскакал безнадежно в стороне от Шамилевых ворот. И почти сейчас же взревел финальный свисток.

Первый отряд — и болельщики и зрители — бушевали как малые дети. Построились в центре поля. Михаил Иванович стал прицеливаться своим «Зенитом». Народ сразу повалил на поле. Всем хотелось запечатлеться на такой исторической фотографии.

Алька Лимонов плакал и не мог остановиться. Каждый раз старался насухо вытереть глаза — слезы опять выползли на щеки.

— Прекрати ты команду позорить! — крикнул Денис, и сам заплакал.

Так они и остались во веки веков на исторической фотографии — ревущие дружки-приятели. А Игнатов стоял наспуленный. А Зубаткин, опу-

стив голову, — только по чубу да по перчаткам можно было потом узнать: вот он, наш вратарек.

А у Наташи Яблоковой осталось на снимке растерянное какое-то лицо. Уже осенью и зимой она не раз разглядывала себя: почему же растерянное?..

В жизни так, слава богу, почти никогда не бывает. А в спорте всегда: сколько бы ты ни совершал подвигов, но, если общая победа на стороне противника, все твои местные заслуги и удачи тускнеют, пропадают и выглядят не лучше, чем позавчерашнее кострище...

После игры команды пошли мыться. Наташа была одна в темноватом несоразмерно большом девчоночьем душе. Она сделала себе прохладную воду, которая, как известно, успокаивает... Наташе делалось все грустнее.

За гулкой стеною галдели мальчишки. Матч громоздился в их разговорах скопищем военных картин. Наташа старалась не прислушиваться и невольно слышала. И конечно, не слышала полувину за шумом воды и мокрым банным эхом.

Она была одна. И как-то само собой получилось, что она словно наказана. Наказанная... Она выключила воду, взяла полотенце. Расчесала перед зеркалом свои короткие волосы, которые по-мальчишески всегда мочила под душем, а не надевала шапочку, как делают обычно девочки.

Смотрела на свое все еще разгоряченное игрою лицо... За что же она вдруг наказана?.. Ерунда какая! Ни за что она не была наказана. А все-таки наказана — одиночеством. Вот если б они выиграли, то все было бы по-другому. Значит, это ей за то, что она не сумела довести победу до конца.

Она еще не знала, что женщина в мужском деле всегда как бы обречена на одиночество. Каждому свое, что бы вы там ни говорили. Мальчишка, вышивающий гладью и крестом, будь он даже большим мастером своего дела, тоже выглядел бы как-то... ну, сами понимаете. Может быть, что-то похожее происходило сейчас и с Наташей. А поражение лишь все это подчеркнуло.

Ужинали они дома на отрядной террасе — так уж было заведено в «Маяке»: команды после матча должны побыть наедине сами с собой, а остальной лагерь должен придумать для них сюрприз к следующему завтраку.

Еда сейчас была не как обычно, не разложенная на тарелках, а в двух огромных кастрюлях: в одной — печенка, в другой — гора вермишели. Поэтому футболистам можно было отваливать порции побольше, словно они действительно изголодались до полусмерти. На самом-то деле — подумаешь: два тайма по двадцать пять минут.

Однако никто из них не отказался от «усиленного питания». Они себя чувствовали и несчастными и в то же время героями. Все так к ним и относились — словно бы к могучим соколам, которые обломали крылья в неравной битве.

Пожалуй, одна только Наташа ела столько, сколько обычно. Когда Ольга Петровна стала ей накладывать, Наташа сказала:

— Все, спасибо. Мне хватит.

И воспитательница согласилась, молча пере-

дала ей тарелку. Потому что, как считается? Мальчишки — им надо. А девчонкам как раз наоборот — лучше воздержаться... Будто бы она была обычная, а не центр нападения!

Но ведь она сама так захотела!

После ужина — и это тоже была традиция матча — каждый мог делать то, что ему только захочется.

Наташа Яблокова обычно не была каким-нибудь там уж особо гордым человеком. В свободное от общеотрядных мероприятий время присоединялась к чьей-то компании, чаще всего к своим совам, и делала то, что другие: петь, так петь, анекдоты, так анекдоты. Знала она и несколько очень неплохих карточных фокусов.

Теперь она была одна. Состояние для нее совершенно необычное. Нет, ее никто и ниоткуда не выгонял. Просто каждый был где-нибудь и вокруг кого-нибудь. А вокруг кого? Вокруг футболистов, конечно.

Наташа могла бы подойти к одному из таких кружков. Например, к Игнатову, Савелову и Осипову, которые сидели на лавочке с «амазонками» под руководством Ветки. Или к Лимонову Альке, который тренировал Козлова в настольный хок-

кей. А Козлова, вернее всего, нарочно пропускала гол за голом... Сейчас Наташа подойдет к ним, и все будет абсолютно нормально.

Однако она ведь сейчас заслуживала чего-то, правда? Пусть она и не страдала денисо-лебедевской гордыней, но ведь все-таки заслуживала — разве не так?

Она шла по темной дорожке среди замерших, вздутых темнотою кустов... Чего это ей здесь было надо? Никогда она раньше по таким местам и в такую пору не бродила. Легко на помине, очень скоро ей попался Денис. И Алла Федосеева.

— Я же сразу обратила внимание, что ты мозг команды, — говорила Алла.

Наташа тихо шагнула в прогал между кустами. Ее тренировочный костюм сейчас сливался с темнотою вечера и с темнотою, которую рождали густые ветки.

— ...Любой хитрейший пас — твоя стихия...

Это были как раз те слова, которые она, Наташа, говорила вчера вечером Федосеевой. Но только не про Дениса, а про Альку Лимонова.

Это может показаться странным, а все же Наташа не обиделась. Она была лишь удивлена.

Она знала такое изречение, что, мол, в мужчинах мы ценим силу, а в женщинах слабость... Его все считают правильным! Но сегодня Денис проявил именно слабость: ведь он плакал после матча. И вот теперь он был прощен. Самой Федосеевой!

Денис проявил слабость — и прощен. Даже вообще превратился в «мозг команды». Она проявила силу, и вот оказалась какой-то позабыт-позаброшенной!

Мальчишкам все-таки живется легче... Да нет, и девочкам живется легко.

И только ей одной, выходит, трудно... Как это говорится? «Ну прямо огонь, а не ребенок, чертик в юбке».

Но ведь она никакой не огонь и не черт. Нормальный человек. А футбол... Ну и что в конце концов? Обязательно, что ли, заниматься художественной гимнастикой? А может быть, вот как раз именно футболом. Представьте себе! «В центре нападения у футболистов московского «Динамо» мастер спорта международного класса Наталья Яблокова».

Ведь бывают женщины-летчики, женщины-металлурги. А то все мужчины да мужчины...

По правде сказать, она не очень представляла себя среди настоящих взрослых футболистов. Может быть, потому что просто была девочкой.

Зато она легко представляла куда более далекое — как становится тренером какой-нибудь футбольной команды. Первая в мире женщина — тренер футболистов. Неужели она сможет стать первой в мире? И верилось и не верилось. И от неясного страха было неизвестно, хочет она этого или нет.

Кусты кончились. Наташа вышла прямо на футбольное поле. Здесь тоже было уже темно, а все-таки светлее от висевшего над этим пустым пространством большого куска неба. На западе, за воротами, в которые она била два последних пенальти, досвечивал последним светом закат.

Упругая трава росисто поскрипывала под подошвами ее кедров.

Она попробовала представить себе какие-то опасные моменты. Не получалось. Слишком все было тихо. И слишком все было огромно для нее одной.

Правду говорят, что один в поле не воин.

Небо, темная трава... Ей захотелось уйти отсюда. И уйти от странных и тревожащих мыслей. Поскорее подсесть к кому-нибудь из своих. Хоть к Димке Зубаткину, который с расстройства куда-то провалился сквозь землю.

Она уже не казалась себе Жанной д'Арк, великой воительницей, она опять была жителем второго отряда, товарищем на любое дело — хочешь, в окно к третьестрадкам залезет, хочешь, стенгазету сов сделает.

Она как бы повернулась спиной к своему футбольному таланту... Не знаю я ничего. Пусть он пока побудет отдельно, а я отдельно.

Но судьба, как говорится, распорядилась по-иному. Не дала Наташе Яблоковой просто так ретироваться с поля боя своих мыслей.

— Эй! — сказала ей темнота. — Эй! Ты Яблокова?

Она замерла. Среди ночи, в пустой футбольной степи не так-то легко стоять одной и слушать человеческий голос, идущий неизвестно откуда. Как с неба.

Впрочем, было не так уж темно. И она почти рассмотрела сидящую на темной трибуне фигуру, которую раньше принимала просто за кусок сумрака.

Вдруг не то услышала, не то увидела она летящий по небу предмет. Он ударился о траву и глухо и звонко одновременно, взлетел опять, как живой... Футбольный мяч!

— Эй! — сказал бывший сгусток сумрака. — Бей по воротам!

Наташа узнала голос — Шамиль Фролов, вратарь первого отряда.

Ни слова больше не сказав ей, Шамиль стал в ворота. Его можно было понять: победа победой, но ведь четыре гола. А больше ему вообще не били в этом матче... И все от девочки. Кошмар какой-то!

Наташа поставила мяч на известковое пятно — отметку восьмиметрового. Белел продолговатый квадрат штанг, пустые ворота. Шамиля в них почти не было видно.

Никогда еще не была она так уверена, что забьет. Куда хочешь. В верхний угол, в нижний. В любую точку!

— Ну, ты бьешь или нет? — крикнул Шамиль. И крик его прозвучал так странно в этом сумраке.

Сейчас решалась ее судьба. На самом деле ничего, наверное, не решалось. Еще можно будет все перерешить двадцать раз. И все-таки решалась.

То ли идти ей необычной, нехоженой дорогой первого в мире футбольного тренера. То ли согласиться, что в мужчине мы ценим силу, а в женщине слабость. Казалось бы, ответ ясен: скорее и смелее вперед к так называемым открытым горизонтам! Но ведь это все легко на словах.

Она разбежалась и ударила — несильно и не очень в угол, чтобы он сумел отбить. А он даже не отбил, взял намертво. Для полной, так сказать, победы.

Встал с земли:

— Будешь еще?.. Бей!

— Больше не буду.

Он усмехнулся:

— Не хочется?

Наташа не ответила.

— Ну, поняла теперь, что это была случайность?.. Согласна?

Эх ты, спортсмен! Четыре раза и все случайность?

— Согласна, — ответила Наташа.

Она училась хитрой девчоночьей мудрости быть слабой.

МЫ СТРОИМ БАМ

Шесть лет назад первый вездеход прорвался по зимнику через Байкальский хребет.

Через несколько дней Даванский перевал прошла колонна автомашин с первыми грузами для строителей нового города Северобайкальска.

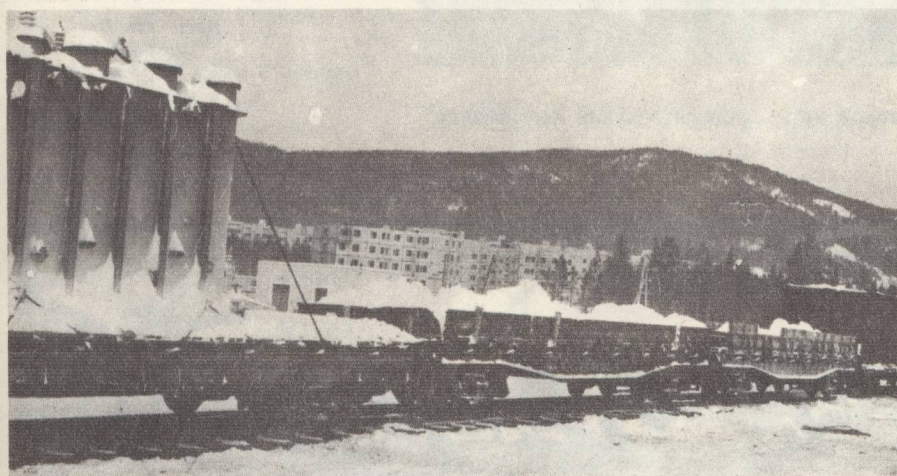
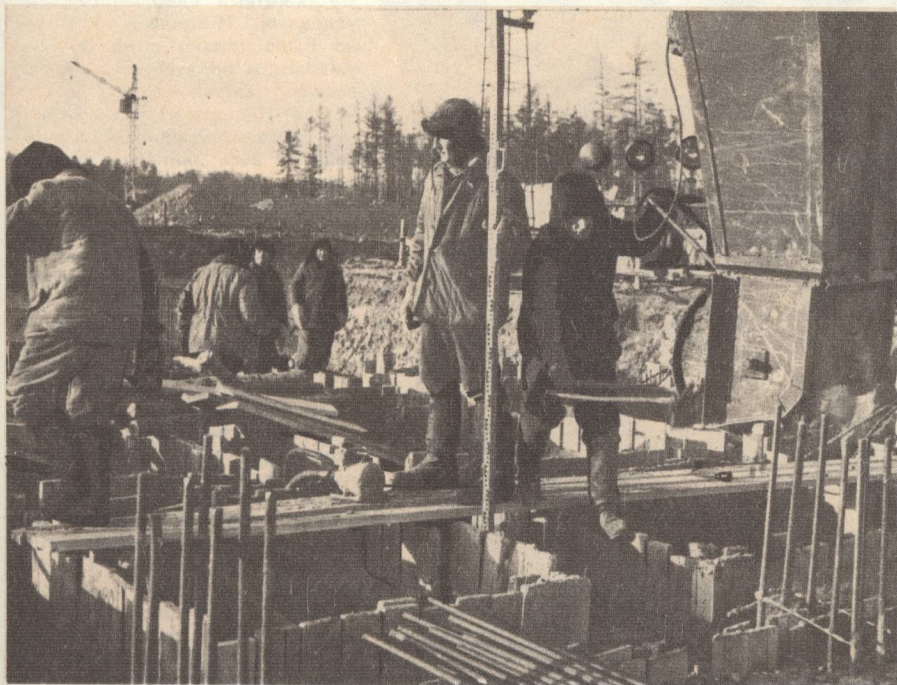
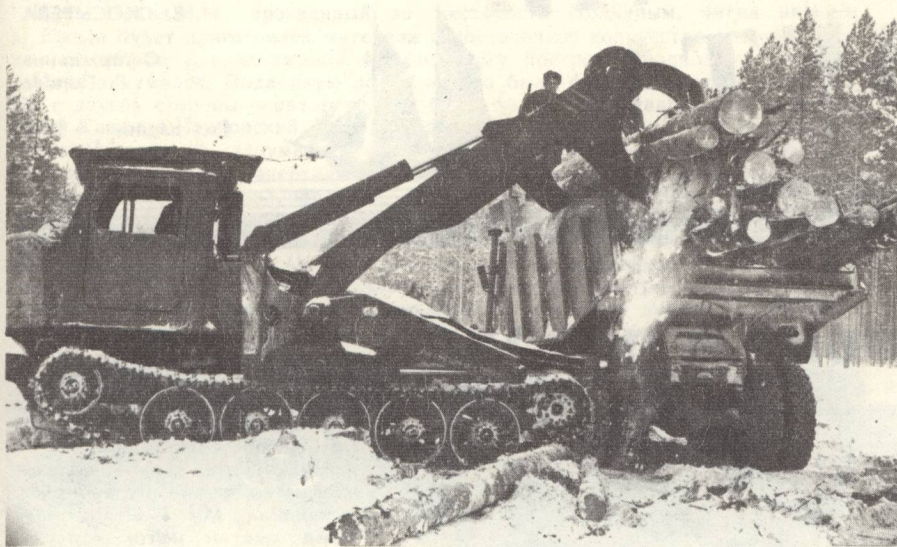
Из отчета руководителя колонны: «276-й километр. Поселок геологов. Мост через Тыю не может выдержать тяжелые грузовики. Переправа по льду. Спуск — 30, подъем — 15—20 градусов и сразу же резкий поворот влево по склону. Машины скользят в пропасть.

Предложение: установить дежурство двух бульдозеров, вести постоянную подсыпку склона песком...»

Эта запись сделана за пятьдесят километров до перевала,

через который колонна шла три дня! В отчете появилась только одна строка: «Зимник через Даванский перевал можно считать открытым».

Десант на северном берегу Байкала готовил площадку для будущего города. Рубили дома, расчищали просеку для трассы Байкало-Амурской магистрали. Строители знали, что рельсы придут сюда только через пять лет, но уже к лету была готова просека. Она шла по берегу таежной реки Тыи дальше к Байкалу. А рядом с ней уже зияли котлованы под фундаменты многоэтажных домов. Фундаменты эти должны принять на себя подземные удары силой до девяти баллов. Особенно внимательно следили, чтобы ни один сантиметр сваи не коснулся вечной мерзлоты, скрытой под глубоким слоем грунта. Иначе тепло потревожит смерзшуюся в гранит землю, растопит ее и дом буквально провалится в жидкое месиво... Никто в мире не строил города в таких условиях!

А острие трассы от станции Лена неудержимо рвалось на восток, к океану.

Даже Байкальский хребет не мог остановить ее. Строители не стали ждать, когда горы пронизет тоннель, — железная дорога по временному обводному пути вскарабкалась на Даванский перевал! Прошла там, где всего шесть лет назад смог пробиться только один вездеход.

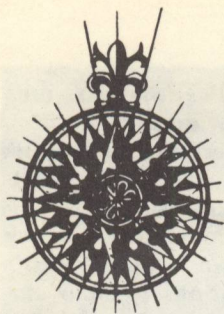
К Северобайкальску пошли грузы. Укороченные поезда, всего из нескольких вагонов, с трудом втаскивали на крутые склоны хребта два, а то и три локомотива.

Растут города и поселки в тайге. Открываются школы и магазины, кинотеатры и стадионы, поднимаются белоснежные корпуса домов.

Все дальше и дальше уходят десанты строителей.

Но каждый раз, едва поставив первую палатку, комсомольцы начинают готовить просеку для будущей трассы БАМа.

Фотоочерк Л. БОГАЧУКА
и Р. ЛАПИЦКОГО

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

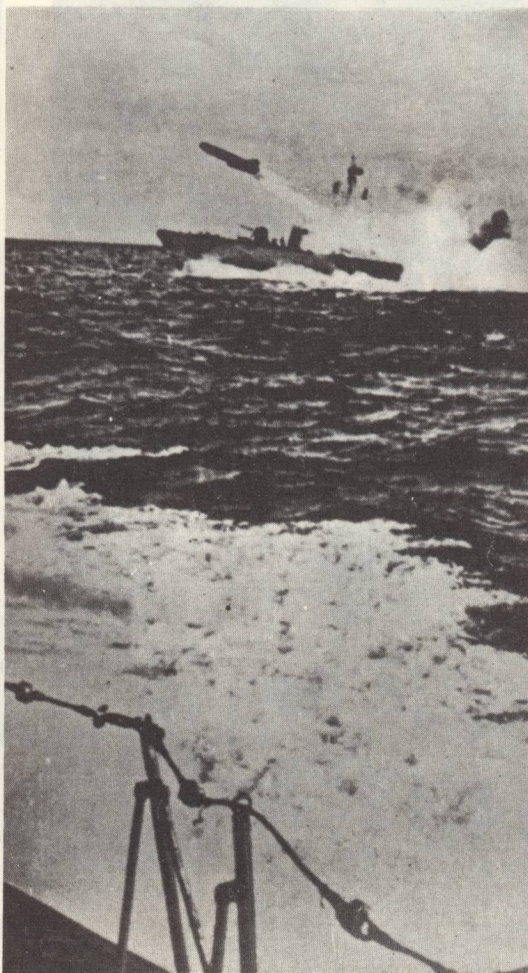
Год издания — 24-й

«Дорогая «Морская газета»! Мы мечтаем стать военными моряками и служить на боевом корабле или подводной лодке. Что для этого нужно?»

Такой вопрос часто задают в письмах наши читатели. Наши специальные корреспонденты повторили вопрос командиру ракетного катера «Кронштадтский комсомолец» капитану 3 ранга Дементеевко. Катер только что вернулся с задания, но командир согласился тут же ответить на любой вопрос...

— Итак, что для этого нужно? — переспросил он. — Прежде всего, нужны знания. Так ребятам и передайте. Обычные знания за обычную школу-десятилетку. Восемь классов на современном боевом корабле — уже не годится... У нас — сложнейшая техника! Без знаний за десять классов — не одолеть... Все наши ребята были отличниками в школе, отличники они и на корабле. Я сам думаю так: только глубокие знания рождают в человеке смелость и решительность, только знающий человек может пользоваться грозным морским оружием и добиваться победы в быстром современном бою. Что еще? Нужны трудолюбие, отличная физическая подготовка и сила воли. Есть, к примеру, на нашем ракетном катере специальность — радиометрист. Так вот, нашим радиометристам приходится нести вахту возле радиолокационной станции по четыре часа и больше, и расслабиться

СНОВА В ПОХОДЕ

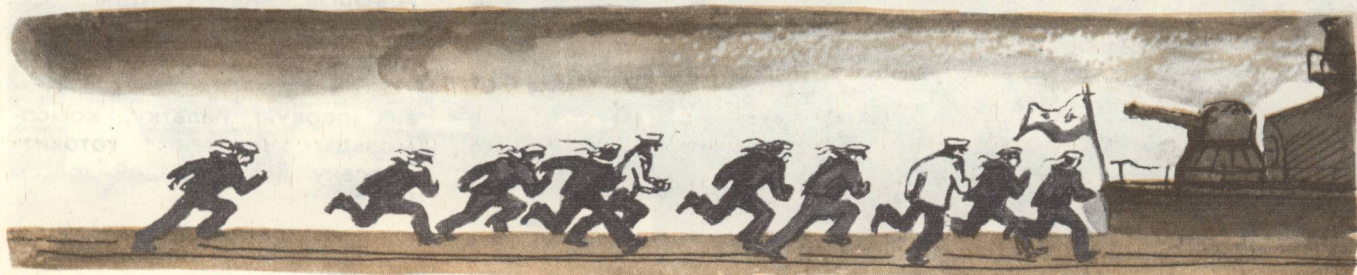
Ракетный катер „Кронштадтский комсомолец“

им нельзя ни на секунду! Представляете? Ни на секунду. Потому что именно в эту секунду на экране радиолокатора может мелькнуть «противник». Слабенький и хиленький такой нагрузки не выдержит. Сейчас наш катер только что вернулся с задания. Мы в штормовом море смогли найти корабль «противника» и нанести по нему ракетный удар, — конечно, условный... И сделать это можно было только с надежным, умелым и привычным к трудностям экипажем... Но и это не все! Наш катер носит название «Кронштадтский комсомолец». И весь экипаж — комсомольцы. А это значит — люди сознательные и грамотные политически. Так что в каждом из них я, командир, уверен как в самом себе! Если все это есть в читателях «Морской газеты», могу сказать точно: они смогут попасть на современный боевой корабль...

На этом беседа была закончена. Мы поздравили моряков с праздником — Днем Ленинского комсомола. И пожелали им хорошего отдыха на берегу после трудного похода.

...Но отдыхать экипажу не пришлось. Пронзительно прозвучал сигнал тревоги. Взревели через несколько минут дизеля, и «Кронштадтский комсомолец» рванул от причальной стенки. Курс — в открытое море. Задача — обнаружить и уничтожить «врага».

Наши специальные корреспонденты капитан 3 ранга В. КРАСАВКИН и капитан 3 ранга В. МОРГУН

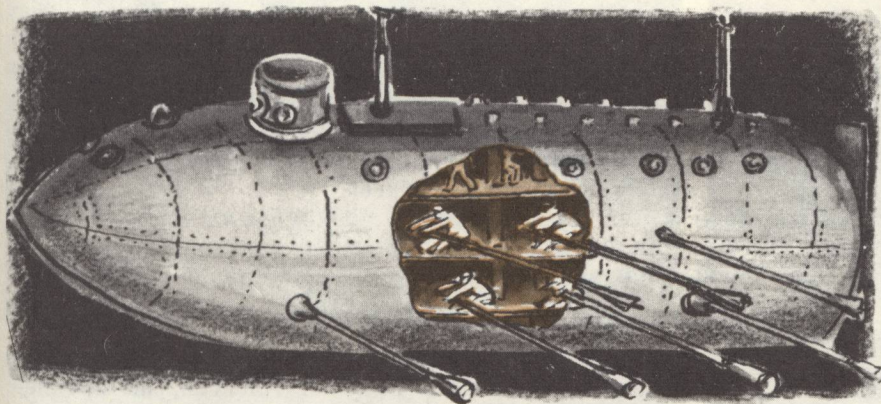

ИСТОРИЯ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В РАССКАЗАХ И КАРТИНКАХ

Царь Николай I, прозванный за жестокость Палкиным, читал письмо: «...Ежели будет приготовлен материал и достаточное количество рабочих нужных людей, то в продолжении 40 дней могу построить подводную лодку...»

Царь задумался. Подводную лодку можно было бы использовать в войнах. Но с другой стороны — автор письма был... узник Петропавловской крепости, некий Казимир Чарновский. Николай сам велел заключить его в одиночный каземат: Чарновский «злоумышлял» на царя и весь самодержавный строй! Все-таки на письме царь начертил: «Представить подробное описание». Через три недели узник приготовил чертежи.

Однако что-то во всей этой истории по-прежнему казалось Николаю подозрительным... Шел 1829 год. Сравнительно недавно всю Россию всколыхнуло восстание декабристов, а Чарновский, как донесли жандармы, еще прежде чем попасть в Петропавловку за «злоумышление», распространял прокламации, в которых словно звучали голоса декабристов... «Уж не думает ли изобрета-

тель на оном подводном судне скрыться?..» — подумал царь. Чарновского перевели из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую и отобрали все бумаги. Через пять лет изобретателя сослали в Архангельск.

Шло время и царю доложили: в Архангельске заговор... Заговорщики предполагали захватить корабли и бежать на них. Глава заговора — Казимир Чарновский! «Недаром же, — подумал Николай, — этот упорный бунтовщик хотел построить подводную лодку... Я был, как всегда, прав». И он велел угнать Чарновского «навечно» в ссылку, в глухие места, где и близко нет ни моря, ни реки. Там изобретатель и умер...

К счастью, в секретных архивах жандармов после Великой Октябрьской революции были найдены чертежи Чарновского. По ним художник нарисовал подводную лодку, какой задумал ее узник-изобретатель.

Дела морских клубов

У юных моряков Тюмени — свой теплоход. На нем ребята прошли больше двух тысяч километров — по Туре, Тоболу и Иртышу. Учились они зимой не зря: все морские обязанности на теплоходе несли юные моряки — и радиста, и кока, и матросов, и штурмана.

После учебы в клубе юные моряки поступают в мореходные и речные училища. Свою профессию они выбирают хоть и рано, но всерьез, по-настоящему.

«Алые паруса» — так назван морской клуб московских ребят. У клуба два речных судна и шлюпки. Юные моряки учатся строевой подготовке: меткой стрельбе и морским дисциплинам. Еще у клуба есть настоящий музей. Экспонаты собирают сами ребята.

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“
Юра Белоус,

Северодонецк

Ответы на вопросы в «Костре» № 8

1. Китобразные дышат воздухом и движение вверх и вниз — для них обязательное и постоянное. Хвост работает вверх-вниз. Рыбы же большей частью движутся горизонтально и хвост их приспособлен, чтобы работать справа налево.

2. У морских животных человек «заимствовал» форму подводных кораблей, реактивный движитель (от головоногих), локационную систему (от китообразных).

3. Акулы боятся дельфинов.

Такую фотографию сделал летчик. Он утверждал, что на фотографии — крокодил. Потом-то он признался, что это — шутка: с большой высоты он сфотографировал... Впрочем, пусть юные моряки напишут нам, что именно сфотографировал летчик!

Пейзажист Саврасов

Передвижная выставка 1871 года. Среди посетителей — скромно одетый человек лет сорока. Почему с таким волнением смотрят на него художники, чьи работы представлены здесь?

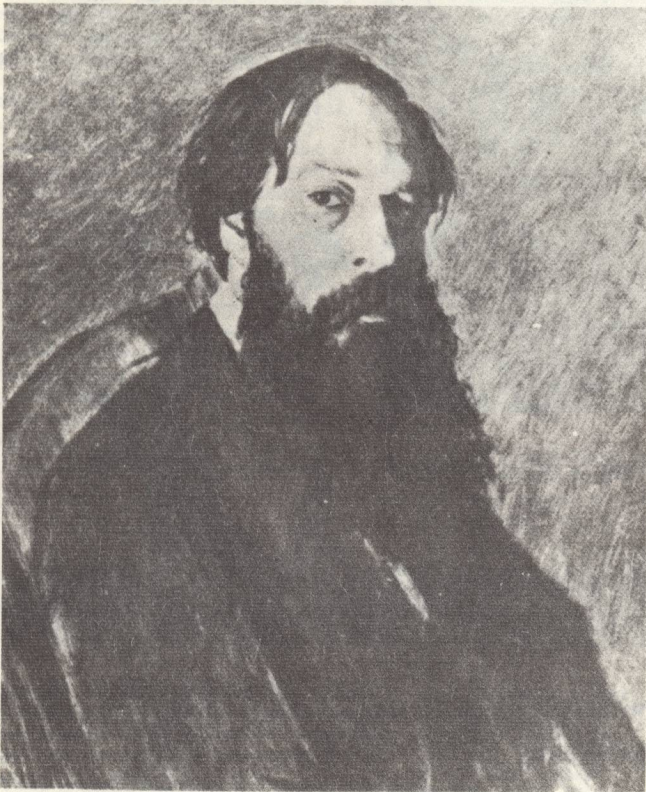
Их волнение понятно, ибо это — Павел Михайлович Третьяков, создатель первого в России музея отечественного искусства.

Лицо его выражает досаду, выставка ему явно не нравится. Равнодушно проходит он мимо огромных, ярких полотен. Но у одной небольшой картины вдруг задерживается. Изображен на ней был уголок Подмосковья: бедные домики, церквушка, деревья...

Долго рассматривал картину Третьяков и, наконец, удовлетворенно кивнул головой.

Это значило — картина Саврасова «Грачи прилетели» займет свое место в Третьяковской галерее.

— Павел Михайлович, — обступили его художники, — что вы нашли в ней такого? Эта картина ничему не учит и некрасива.

А. К. Саврасов, портрет работы В. Г. Перова

— Поэтическое воображение нашел я в этой картине, — тихим голосом сказал Третьяков, — раннюю весну, дыхание ее живое почувствовал. Говорите, ничему не учит? Ошибаетесь. Она учит видеть и любить то, что вы считаете некрасивым, — русскую природу. Эта картина новую эру в нашей пейзажной живописи открывает...

Как начинал свой путь художник Алексей Кондратьевич Саврасов? Однажды известный московский художник-акварелист Воробьев зашел в картинную лавку у Ильинских ворот как раз в тот момент, когда юноша лет семнадцати раскладывал перед торговцем свои произведения — красивые, столь любезные мешанам пейзажи: «Буря на море», «Извержение Везувия».

— Досадно, — обратился Воробьев к молодому человеку, — что столь одаренный юноша тратит силы на всякую ерунду. Вам надо всерьез заняться искусством. Как звать вас?

— Саврасов, Алексей...

— Ну вот, Алеша, приходите-ка завтра в училище, я представлю вас руководителю пейзажной мастерской. Возьмите все ваши рисунки.

...Лицо профессора художественного училища, рассматривавшего рисунки Алексея, не предвещало ничего хорошего. Сухое, надменное, с презрительно сжатыми губами...

«Зачем я сюда пришел? — подумал Алексей, — ведь он, наверное, сейчас сторожа позовет, велит меня в шею вытолкать».

— Я беру вас, молодой человек, — неожиданно сказал профессор, — хотя все, что вы здесь изобразили, сплошная безвкусица, но у вас есть талант, наблюдательность...

Так Саврасов был принят в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Он делает успехи, его имя упоминается среди лучших учеников пейзажного класса, но все же на первых порах ему пришлось столкнуться и с непониманием профессоров, придерживающихся старого, академического направления.

— Вы очень редко посещаете класс, молодой человек! — выговаривал ему преподаватель, — оттого и колорит ваших картин некрасив, мутен. И где вы находите эти ужасные избы, эти лужи, уродливые деревья? Посмотрите, какие пейзажи пишут ваши товарищи.

— Они их выдумывают, сидя тут же в мастерской, — дерзко отвечал юноша, — а я этого не люблю. Мне наш пейзаж роднее, чем живописные развалины с колоннами да кипарисовые рощи.

В любую погоду ездил он в Кунцево, Сокольники, Архангельское. Его подмосковные пейзажи были замечены Третьяковым.

— Я многого от вас жду, — уже тогда говорил Павел Михайлович. — У вас огромный дар.

Саврасов стал много выставляться. О нем говорят, пишут. Он становится признанным мастером, и в 1857 году его приглашают руководить мастерской пейзажной живописи в училище. А ведь он еще так молод!

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

**ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ
РАДУГА**

ПЕЙЗАЖ С РЕКОЙ И РЫБАКОМ

Когда Саврасов впервые вошел в мастерскую, никто из учеников не обратил на него внимания. Решили, видно, что это их новый товарищ. Небрежно с ним поздоровались и принялись обсуждать, каков он, этот профессор Саврасов? Требователен ли, очень ли стар?

— Старый-престарый, — пошутил наугад кто-то из студентов, — ходит согнувшись, бородой пол метет.

Все рассмеялись, а громче всех сам профессор.

— Что это его так долго нет? — удивлялись студенты.

— Может заболел?

— Или передумал, — предположил кто-то, — у этих знаменитостей капризов много.

— Не заболел я и не передумал, — сказал вдруг молчавший до сих пор новичок, — и вовсе не являюсь знаменитостью. Разрешите, господа, представиться. Алексей Кондратьевич Саврасов, ваш новый руководитель.

Все удивленно уставились на профессора. Вот так новичок!

— А какое задание вы нам дадите? На какую тему писать пейзаж?

— Пейзажи, друзья мои, не на тему пишутся; а с натуры. Пойдемте-ка лучше в Сокольники. Там сейчас хорошо, весна и тем сколько хотите.

— Какие могут быть в Сокольниках темы? — посыпались удивленные возгласы.

— Да самые разные: тающий снег — превосходная тема, деревья под ветром — тоже недурная. Увидите, как речка вскрывается. Уверю вас, это куда интересней, чем, сидя в мастерской, писать какой-нибудь греческий храм в оливковой роще. Ведь никто из вас ни храма, ни рощи этой не видел, так зачем же писать то, что не знаешь?..

Саврасов водил учеников в Сокольники, Кунцево, Архангельское. Каждый из них выбирал наиболее понравившийся уголок и работал.

— У природы учитесь, — говорил он, — она куда лучший профессор, чем я. Я и сам у нее учусь. До самой смерти учиться буду.

Во время этих занятий Саврасов создал такие шедевры, как «Лосиный остров в Сокольниках», «Плоты», «Зимний пейзаж с дорогой», «Радуга». Он сумел одухотворить, казалось бы, самые невзрачные уголки природы.

Вот картина «Радуга» (Русский музей). Серенький, мокрый денек, небо, обложенное тучами, размытая дождем дорога, пригорок с несколькими ветхими избушками, но над всей этой бедностью, запустением раскинулась радуга, словно предвестница грядущего счастья.

Во время каникул ездил Саврасов на Волгу.

— Вы бы, Алексей Кондратьевич, — говорили другие преподаватели, — съездили в Италию. Там ведь клад для пейзажиста!

— А мой клад на Волге зарыт, — отшучивался Саврасов.

Нередко сопутствовал ему в этих поездках совсем еще юный его ученик Левитан. Там он писал свои еще робкие, ученические этюды и присматривался к работе учителя. Может быть, на его глазах рождалась замечательная картина Саврасова «Могила на Волге». Может быть, о ней вспоминал он, много лет спустя, работая над картиной «Над вечным покоем». У этих двух произведений много общего.

Пролетели годы. Художнику уже седьмой десяток. Он стар, болен, устал. Все реже приходит он в свой класс. Его ученик, замечательный художник Константин Коровин, описывает в своих воспоминаниях эти редкие появления учителя.

«Тихо-тихо открывается дверь и входит высокий худой старик, он обходит мольберты учеников, поправляет, дает советы, но быстро утомляется и бредет к железной печурке в углу мастерской, погреться...»

Когда он умер, как завещание его ученикам осталась картина — «Грачи прилетели» — пример нежной любви к родной природе...

Д. НОРИН

Рисунки
Ю. Беломлинской

Однажды в присутствии изобретателя парохода Фултона зашел спор о том, что безопаснее — путешествие по железной дороге или по реке.

— Вот вы, Фултон, — обратился к изобретателю один из спорщиков, — вы почему всегда предпочитаете ездить в дилижансе?

— Видите ли, — смущенно ответил Фултон, — я совсем не умею плавать...

Однажды знаменитому адмиралу Лазареву представили к повышению в чине некоего офицера, руководствуясь лишь тем, что он состоит на флоте уже двадцать лет и все плавает на кораблях. Качества сего офицера были невысоки и известны Лазареву. Потому он и написал на представлении: «Не резон! Мой сундук тоже двадцать лет со мной плавает, а что толку?»

Сразу набело

Шестой класс выбирает старосту...

На доске красным мелом написаны фамилии: Баранов, Клемято, Гусарова...

— Больше предложений не будет? — Вика Моисеева, председатель совета отряда, оглядела класс.

Поднял руку Юра Баранов:

— Прошу самоотвод, — он опустил голову. — Я — за Гусарову.

— Почему? — строго спросила Вика. — Тебе же доверие оказывают!

— Давайте за Юрку, ребята! — выкрикнул Дима Клемято и поднял обе руки. — Учится Баранов нормально, авторитет у него есть.

— Кончай, Клемято! — Баранов показал другу кулак. — Сказано — не буду, и не буду!

Слушая вполуха, как Дима его расхваливает, Юра смотрел на пожелтевшую листву пришкольных тополей и упрямо качал головой: не буду я старостой, ни за что не стану...

— А кто выдвигал Диму, ребята! Кто скажет о нем? — Вика нахмурилась.

— Я выдвигал! — поднялся Рязанцев. — Клемято массы организовать может. Запросто. Нет у него этой... Ну, скромности лишней нет. Зато фантазии — сколько хочешь. А успеваемость он подтянет. — Рязанцев улыбнулся и подмигнул другу. — Ему только захотеть...

— Он захочет — сразу отличником станет, — подтвердил Костя Леонтьев. — Характер у него железный. Захочет — все за ним пойдут, даже девчонки!

Девочки обиделись, зашептались: «Почему это «даже»? Подумаешь!...»

— Тихо, ребята! — сказала Вика. — У нас еще одна кандидатура есть — Юля Гусарова. Кто ее охарактеризовать может?

В классе стало тихо.

— Тогда я сама попытаюсь, — сказала Моисеева. — По-моему, она просто очень хороший человек, из нее будет толк, — и Вика улыбнулась.

— Она мне в прошлом году по английскому помогала, — сказал Андрей Львов гордо.

— У нее опыт есть, она уже была старостой, — напомнила Наташа Фатеева.

— А я болел — Юля ко мне приходила, математику объясняла, — похвастал Гера Сегаль. — Я потом даже четверку получил.

— Вчера Семенов на перемене драться полез, а Юля его отогнала, — рассказала Ира Беберина. — Ее даже мальчишки побаиваются.

— И рисует она отлично!

— Экскурсию по городу может провести не хуже экскурсовода.

— Дома всегда помогает... Вика подняла руку:

— Тише, ребята, голосуем! Так. Единогласно. Поздравляю тебя, Гусарова. От имени отряда. Только есть одно пожелание. Смелее будь. Понимаешь, а? А то ты и незаметна вроде. Ты же староста, власть наша классная. Смелее давай!

Юля поднялась. Оглядела класс, улыбнулась:

— Спасибо, ребята.

И тогда встал Баранов.

— Она и есть смелая! — сказал он так громко, что сам покраснел.

— Юля очень смелая. Потому что не отказывается старостой быть, как некоторые.

Баранов снова посмотрел в окно. «Говорить или не говорить? Обидится Димка».

— И еще вот что. Тут говорили про некоторых: захочет — успеваемость подтянет, поднатужится — поведение исправит, только свистнет — все за ним побегут. А вот Юле и подтягиваться не нужно. Она с первого раза все по-серьезному делает. Хоть математику, хоть стенгазету... Самое трудное — сразу набело...

Юра Баранов хотел сказать еще что-то, но только махнул рукой и сел. И вдруг почувствовал, что на душе стало очень легко.

В третий раз выбрали Юлю Гусарову старостой класса.

М. КОНОНОВ,
Ленинград,
школа № 235

Увидите ошибку —
примите
(ФЕЛЬЕТОН) за улыбку

Заголовок к этому фельетону я не придумал. Эту фразу я вычитал в письме одной школьницы. Думаю, что и не она является автором этого двустишия. Скорее всего, его придумал безымянный автор в те далекие времена, когда впервые появились в письмах трогательные слова: «Жду ответа, как соловей лета». Между прочим, ждать ответа на свое письмо — это вполне естественно. При этом можно даже сравнить себя с какими-нибудь певчими птицами. Для красоты. А вот насчет ошибки, которую просят принять за улыбку... Здесь хочется поспорить.

Что означает такое предупреждение? А вот что. Мол, не обращайтесь, товарищи, внимания на мою индивидуальную неграмотность. Это так, шутка. Выеденного яйца не стоит. Примите за улыбку и все.

Что-то не хочется улыбаться. Особенно, когда читаешь такое письмо: «Дорогая редакция! Я учусь в 7 классе. Поздравте мою учительницу Лебовь Алексеевну с 8 марта...» Да, можно только посочувствовать «Лебовь Алексеевне». Не ученик, а подарок, особенно к Восьмому марта.

А вот другой ученик в своем письме, оправдывая свое оригинальное правописание, заявляет откровенно: «У меня по русскому отценка — 3». Нашел чем хвастаться! Тем более, что «отценка» явно завышенная.

«Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как», — писал Лев Николаевич Толстой. А поэт В. Брюсов говорил: «Я готов плакать, когда думаю о том, чего не знаю». Интересно, зачем это плакать, если можно наоборот, улыбаясь: «Летом мы ездили собирать гребы». «Мы взяли шевствие над пенсионерами», «Учительница отобрала злополученную шпаргалку...»

А теперь немного пофантазируем. Представьте себе большое конструкторское бюро. Проектируется новый пассажирский самолет. Главный конструктор доволен — все чертежи закончены в срок! Он берет авторучку и ставит свою подпись. А внизу добавляет веселым размашистым почерком: «Увидите ошибку — примите за улыбку!»

Что касается меня, то я на таком самолете не полечу. Даже если надо мной возьмет «шевствие» сам Главный конструктор.

Л. КАМИНСКИЙ

— Ты обязан знать правила движения, как таблицу умножения!

— А я и таблицу умножения нетвердо знаю...

Рисунок К. Леонидова

КТО
ВИНОВАТ?

- Почему ты опаздываешь в школу?
- Потому что поздно просыпаюсь.
- А почему ты поздно просыпаешься?
- Потому что поздно ложусь спать.
- А почему ты поздно ложишься спать?
- Потому что поздно прихожу из школы.
- А почему ты поздно приходишь из школы?
- Потому что меня оставляют после уроков.
- А почему тебя оставляют после уроков?
- Потому что меня разбирают на собраниях.
- А почему тебя разбирают на собраниях?
- Потому что я опаздываю в школу.

К. МЕЛИХАН

Ноша

Семен портфель несет в руке,
Павлуша — двойку в дневнике.
Сережа сел на пароход —
Морскую вахту он несет.
Андрюша ходит в силачах —
Рюкзак он носит на плечах.
Степан не закрывает рот —
Он цепуху весь день несет!

Михаил ЯСНОВ

Конкурс „... и все
засмеялись!“

Идет урок пения. Все хором поют песню, но только Рома, как всегда, занят своим «делом»: хихикает, кривляется.

Наталья Семеновна говорит:

— Иди сюда, любимец публики! Не прячься за пианино. Ты слышал, что сейчас пели?

— Ага.

— Не «ага», а «да». Так что же мы пели?

— «И мой сырок со мною!»

— Какой сырок?

— Творожный!

И все засмеялись.

Света Мазеева,
Каменск-Уральский

На эту тему мы писали сочинение. Потом Сережа Булкин читал свою работу вслух:

«Приехал я в деревню. Устал и лег спать. Потом поел, побежал на речку. Пришел усталый и лег спать. Проснулся, а тут и ужинать надо. Перед сном побежал на речку. Проснулся, поел. Искупался. Ну, тут и лето пролетело. Приехал я домой...»

— И лег спать?.. — спросила учительница.

И все засмеялись.

Таня Дмитриева,
6-й класс,
Ленинград

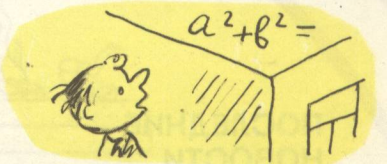
— Придумайте пример с частицей НЕ и НИ.

— Я не могу придумать ни одного примера...

— Что ты смотришь в потолок? Там ничего не написано!

— Тогда можно посмотреть в шпаргалку? Там все написано!

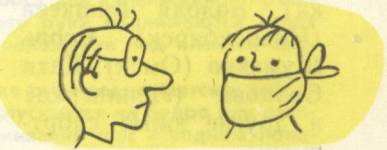

— Что такое сообщающиеся сосуды?

— Это сосуды, в которых что-то сообщается. Например, запечатанная бутылка с запиской...

— Почему ты молчишь?
— Но ведь вы сами сказали, чтобы на уроке я поменьше разговаривал!

— Расскажи, Петрова Света, Какие ты знаешь части света!

— Части света?

— Да!

— Выключатель, лампочки и провода!..

Е. ЕФИМОВСКИЙ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Совет СК «Кузнечик» назвал кандидатами в сборную команду клуба 154 юных прыгуна в длину и высоту. Среди них: **Олег Законнов** (Норильск), **Марат Вафеев** (Тобольск), **Валя Митькина** (Мезень), **Павел Горячев** (Павлово), **Марина Марченко** и **Андрей Прокофьев** (Вихоревка), **Володя Вашкеев** (Новосибирск), **Игорь Шумейко** (Омск), **Катя Синцова** (Ленинград) и другие юные спортсмены.

ДРУЗЬЯ

Вот уже два года дружат и соревнуются «кузнечики» двенадцатой школы Ленинграда и двенадцатой школы Минска. Прошлой зимой в столице Белоруссии состоялся первый матч дружбы, в котором победили ленинградцы. А через несколько месяцев город на Неве принимал гостей из Минска.

На этот раз спортивное счастье улыбнулось минчанам. Особенно отличился **Андрюша**

Шпаковский — он прыгнул на 154 см и установил рекорд школы. Установил личный рекорд и **Андрей Чумаченко**. И хотя результат довольно скромный, это его первый успех...

Многие сотни километров разделяют ленинградцев и минчан. Но расстояние — не помеха для настоящей дружбы, потому что этих ребят связывает не только спорт. В письмах они рассказывают друг другу обо всем, что их интересует и волнует — о новых фильмах, прочитанных

книгах, о своей школьной и пионерской жизни...

Но как они познакомились? Все очень просто: их тренеры — ученики прославленного воспитателя чемпионов и рекордсменов заслуженного тренера СССР **Павла Наумовича Гойхмана**. В Минске — **Владимир Бычковский**, в Ленинграде — **Юрий Тармак**. Закончив свои выступления в спорте, они тоже решили растить молодых прыгунов. И не только растить, но и соревноваться между собой...

Ю. КОВЕШНИКОВ

Здравствуй,

„Кузнечик“!

«...Хочется рассказать о нашем тренере, которого мы все очень любим. Это **Иван Ильич Гребенчиков**. Он хороший тренер и замечательный человек. С ним можно говорить

обо всем на свете, потому что **Ивану Ильичу** интересно, чем мы занимаемся, о чем думаем и мечтаем. Он и в школу приходит, где мы учимся, и домой — в гости. Однажды, когда я заболела, он приходил каждый день, приносил апельсины и книжки, рассказывал, что делается на тренировках...»

Наташа Григорьева,
Ленинград

«...Мы хорошо знаем, что настоящий прыжок — это прыжок выше своего роста. И каждый «кузнечик» должен научиться так прыгать. Мой одноклассник **Андрей Прокофьев** стал первым в нашей школе, кто прыгнул выше своего роста. Он настоящий «кузнечик»!..»

Наташа Шестопалова,
Вихоревка

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМСТВО

Марина Марченко — участница первых финальных состязаний спортклуба. Совсем недавно, на первенстве города Вихоревки, она повторила рекордное достижение **Светланы Мокряк** (Кишинев) — 1 м 50 см.

НАШИ РЕКОРДЫ

(по возрастным группам)

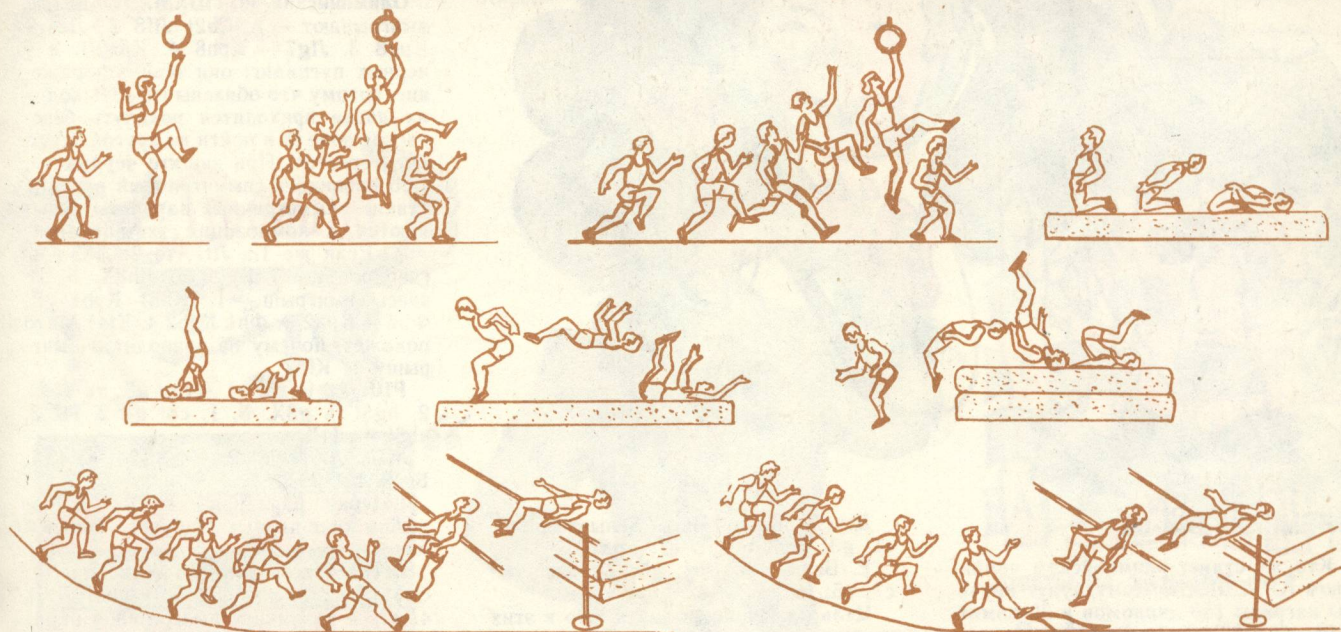
МАЛЬЧИКИ		ДЕВОЧКИ	
(1967 год рождения)		(1967 г. р.)	
Владимир Вашкеев (Новосибирск)	— 1 м 60 см	Светлана Мокряк (Кишинев)	— 1 м 50 см
(1965—1966 гг. р.)		(1965—1966 гг. р.)	
Сергей Павлов (Ленинград)	— 1 м 85 см	Зоя Всеволодова (Ленинград)	— 1 м 63 см
(1963—1964 гг. р.)		(1963—1964 гг. р.)	
Андрей Михайлов (Ленинград)	— 1 м 95 см	Татьяна Кулакова (Ленинград)	— 1 м 72 см

ТРЕНИРОВКА ПРЫГУНОВ В ВЫСОТУ

Продолжение. Начало см. в №№ 8—9, 1980 г.

Программу подготовил
старший тренер сборной команды СССР
кандидат педагогических наук Анатолий Петрович СТРИЖАК

Специальные упражнения для обучения технике прыжка «фосбери-флоп».

Рис. 1. Доставание подвешенных предметов рукой, оттолкнувшись ногой с места.

Рис. 2. То же упражнение, но выполнять с одного шага.

Рис. 3. Доставание подвешенных предметов с 2, 3, 4 и 5 шагов разбега.

Рис. 4. Стоя на коленях, наклоны назад, до касания плечами мата.

Рис. 5. Из положения стойки на лопатках медленное опускание ног, прогибаясь в спине, до касания стопами опоры.

Рис. 6. Из положения лежа на спине, согнувшись на возвышении, подъем разгибом в исходное положение.

Рис. 7. Стоя на возвышении, отталкиваясь двумя ногами, выход в положение перехода через планку, приземляясь на мягкое покрытие или мат.

Рис. 8. Прыжки в высоту с разбега, с 4—6 шагов, отталкиваясь двумя ногами. То же, отталкиваясь толчковой ногой, способом «фосбери-флоп».

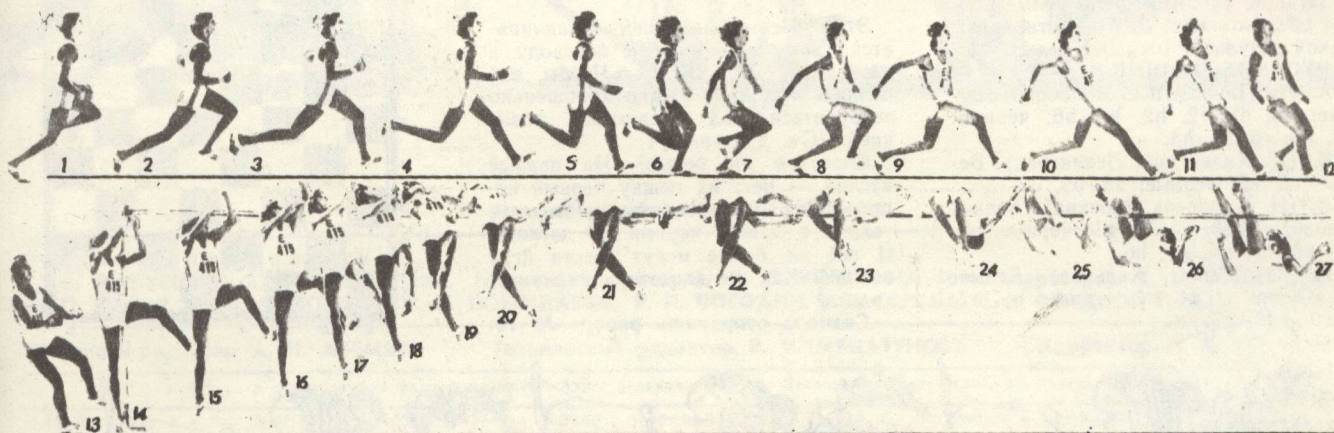
Рис. 9. Прыжки в высоту способом «фосбери-флоп» с 4—6 шагов разбега, отталкиваясь с гимнастического мостика.

Особое внимание следует уделить работе рук. Существует два способа работы рук.

Способ А — «оберучная» работа, как в перекидном прыжке: В момент отталкивания две руки поднимаются вверх одновременно и в исходном положении над планкой опускаются на бедра.

Способ Б — ближняя к планке рука поднимается и забрасывается за планку, а другая опускается на бедро или отводится в сторону. После отталкивания при исходном положении над планкой голова должна быть опущена на грудь.

Прием в спортклуб продолжается! Наш адрес: Ленинград, редакция журнала «Костер», спортклуб «Кузнечик». Условия приема смотри в № 1 за 1979 г. и № 1 за 1980 г.

Прыгает чемпион XXI Олимпийских игр Яцек Вшولا

ОЛИМПИЙСКИЙ-80

Кто же станет олимпийским чемпионом АРЧЕБЕКА? Кому будут вручены награды (50 дипломов и 30 памятных призов)? Это выявит завершающий соревнование —

РЕЙД ДЕСЯТЫЙ

За позиции этого рейда начисляется не по 10, а по 15 очков за каждую. А тот, кто в разрядных рейдах недобрал до нормы лишь 10 очков, сможет возместить их, если решит все шесть сегодняшних боевых заданий.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс6, Лб1; черные: Кра7, п. б6

Б. Белые: Крh4, Лe1, Сg3, Кg2, пп. а7, б7; черные: Крh1, Са8, Сg1.

В. Белые: Кра7, Кс7, Ке6, пп. б2, е5; черные: Крс6, п. е7.

Г. Белые: Крb1, Лe7, Лf2, Сb3; черные: Крh8, Фb8, п. б4.

Д. Белые: Крg3, Фd2, Кd5, п. е7; черные: Крf5, Фе4, Кf7, пп. f3, h6.

Е. Белые: Кре2, Ла7; черные: Крg1, Лб8, пп. g2, g3.

Цель разведки: А, Б, В, Г — определить, во сколько ходов белые смогут объявить мат; Д, Е — установить, какой результат ожидает белых.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (Б. Павлов, пос. Волосово). Белые: с3, d2, f2, h2, h4, h6; черные: б6, d4, е5, f4, h8.

Б. (Д. Калинин, Ленинград). Белые: с5, е5; черные: а5, б2, d2.

В. (Н. Курносов, Москва). Белые: а1, а3, с3, е3, f2, f4, g1; черные: а5, б8, с5, с7, g5, g7, h6.

Г. (Ю. Шмидт, Харьков). Белые: Д. е3, пр. d4, f4, h4; черные: пр. б2, б8, е7, f6, g7.

Д. (Д. Калинин). Белые: пр. с1, е1, g3; черные: Д. а7, пр. е3.

Е. Белые: б2, б4, с5, h4; черные: с7, е5, f6, h6.

Цель разведки: выявить, что в этих позициях у белых — выигрыш? ничья? проигрыш?

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 17, 26, 27, 31, 35, 37, 44; черные: 8, 9, 15, 18, 28, 40.

Б. Белые: 27, 37, 38, 41, 42, 43, 47; черные: 8, 14, 18, 26, 29, 33, 36.

В. Белые: 29, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 46, 48, 49; черные: 4, 8, 9, 10, 13, 18, 22, 26, 27, 28.

Г. Белые: 11, 33, 34, 35, 40; черные: 1, 15, 18, 24, 25.

Д. Белые: 21, 28; черные: 11, 12, 13, 14.

Е. Белые: 26, 37, 47; черные: 1, 16, 27.

Цель разведки: указать пути к победе белых там, где она возможна, а там, где победить нельзя, указать, какой ждет белых результат и причины.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Этим боевым заданием заканчивается твоя подготовка к переводу в разведчики АРЧЕБЕКА. Чтобы выполнить его, тебе нужно хорошенько потрудиться над следующей позицией. (См. диаграмму).

Спасутся ли белые? На первый взгляд — нет: их пешку черный король как будто в любой момент уничтожит, а пешку черных не догнать. И все же белые могут свести игру винчию? Как же для этого им нужно ходить?

Сначала отправишь рапорт № 10.

Затем — просьбу о переводе в разведчики и свой «Листок учета», отметив в нем все завоеванные очки. Шахмат-адмирал пришлет тебе ответ. Жди!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Олимпийский-80. ШХМ. А. Белые выигрывают — 1. Сb2! Лf8 2. Лс7+ Крg8 3. Лg7+ Крh8 4. Кра2!!, и у черных цугцванг: они терпят поражение, потому что обязаны сделать ход — их ладье приходится покинуть безопасное поле f8 и пойти на другое, а там она терается. При защите черных 1... Лh6 возникает симметричный вариант (такие симметричные варианты называются в композиции эхо-вариантами). Если же 1... Лf7, то 2. Лh3++ (двойной шах) Крg8 3. Лh8X. **Б.** И здесь выигрыш — 1. Kh5! Крb1! 2. Фb7+ Кра2 3. Фh1 Крb2 4. Кf4! А кто покажет, почему не приводит к выигрышу 1. Кf5?

РШ. А. 1. с5! c1 (если g5; то e3X) 2. hg5! 3. g3X. **Б.** 1. с3! g7 2. f4! 3. ab6! 4. d4X.

МШ. А. 1. 28! 2. 40! 3. 34! 4. 43X. **Б.** 1. 42! 2. 28!X.

Резерву. Юра прав: 1. Лf1!, и при любом ходе черных им будет объявлен мат.

Встретились два арчебековца. 1. Ch1! Л:h1 2. а8Ф Лd1! 3. Фh1! Л:h1 4. а7, и возникает выигрышное окончание «ферзь против ладьи».

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

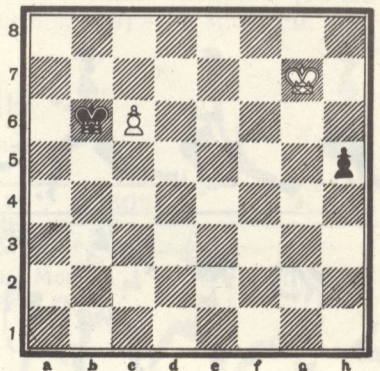
§ 1. Всем арчебековцам отослать рапорты до 1 января.

§ 2. Жюри подведи итоги соревнования «Олимпийский-80» и опубликовать их в «Костре» №5 за 1981 год.

§ 3. Победителей представить к награде, а выполнившим классификационные нормы присвоить спортивный разряд.

§ 4. Всем доблестным разведчикам — участникам соревнования «Олимпийский-80» и всем, проходившим подготовку в отряде резерва, объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

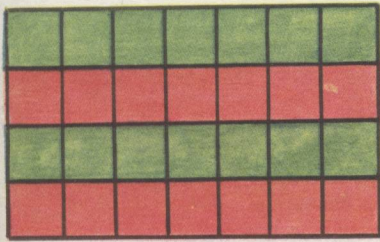

У дома, где жил Разгадайка, стоял желтый клен. Из окна было видно, как падали листья. Разгадайка заметил, что за первую минуту упало 3 листа, за вторую — 5, а еще через минуту — 9

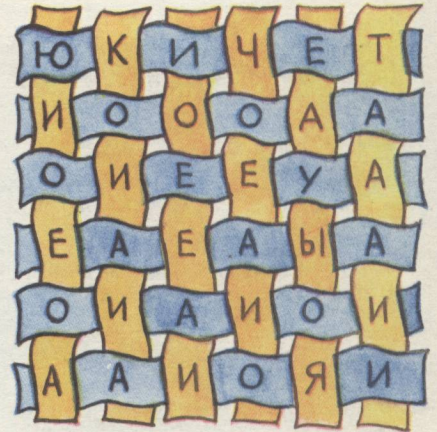
«Сколько же листьев упадет в следующую минуту?» — подумал Разгадайка и быстро нашел ответ, уловив определенную закономерность листопада.

В этой литературной плетенке спрятались названия 12 рассказов А. П. Чехова.

“

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ № 9

Ошибка в вычислениях сделана Разгадайкой при извлечении квадратного корня. В данном случае вторая часть равенства имеет отрицательное значение, и следовательно, бессмысленна.

Квадрат приобретает «волшебные» свойства, если поменять цифры диагоналей местами.

Чайнворд: 1. Непер 2. Ринал 3. Ньютон.

Известный английский поэт прошлого столетия Эдвард Лир написал такое стихотворение:

А вот человек из Палермо,
Длина его ног непомерна.
Он однажды шагнул
Из Парижа в Стамбул,
Дорогой человек из Палермо.
Как вы думаете, возможно ли это?

В МУЗЕЙ ГОЛОВОЛОМОК

Света Коротаева (Москва) прислала головоломку, составленную из произведений И. А. Крылова. Ведь многие басни его начинаются так: «Волк и...»

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Л. В. ВОРЧЕНКО

Рукописи и фотографии не возвращаются. Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-15-72

М-13536. Сдано в набор 04.07.80 г. Подписано к печати 08.09.80 г. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 730 000 экз. Заказ 962. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

ТРУБАЧ

Трубач был молод и горяч
И на коне в бою
Не знал усталости трубач
И песню пел свою.
И мчалась конница за ним
Вперед, всегда вперед!
Чтоб небо было голубым
И розовым восход.

Лишь там, где в выжженной степи
Разросся карагач,
Остановил в его тени
Коня герой-трубач.
К губам трубу он приложил
И снова, как в бою,
Он громко песню затрубил
Победную свою:

Мы славно бились, враг разбит,
Но отдыхать нельзя.
Еще земля в огне горит,
Еще в огне земля.
Врагу ее не отдадим,
Вперед, друзья, вперед!
Чтоб небо было голубым
И розовым восход.

Отряд коней пришпорил тут,
И алым кумачом
Забилось знамя на ветру
Над смелым трубачом.
И мчалась конница за ним
Вперед, опять вперед...
И небо было голубым
И розовым восход.

Александр БАДАШКИН
Рисунок В. Цикоты

